

Воспоминанія жизни В. Г. Тернера¹⁾.

Въ Каирѣ былъ игорный домъ. Въ послѣдній день утрома я пошелъ туда съ Суцовымъ. Суцова, который уже нѣсколько разъ тамъ игралъ, приняли съ большимъ почетомъ, принесли ему стулъ, подали шампанскаго. При рулеткѣ ставятъ также на номера и на rouge и noir.—

Если поставитъ на номеръ, которыхъ было около 40, и выйдетъ этотъ номеръ, то игравшій получаетъ свою ставку, помноженную на данный номеръ. Разумѣется, это встрѣчается очень рѣдко. Я не игралъ, но смотрѣлъ только, какъ игралъ Суцовъ. Онъ поставилъ золотой на 24 номеръ, вышелъ 24 номеръ, и ему отсчитали 24 золотыхъ; за тѣмъ куда онъ ни ставилъ: на другой ли номеръ, или на rouge и noir, или на шаръ, постоянно выходило то, на что онъ поставилъ. Такой удивительной veine я никогда еще не видалъ. Послѣ получасовой игры, передъ нимъ лежала груда золота. Онъ завязалъ этотъ кладъ въ свой платокъ, и мы съ золотымъ узелкомъ отпразднелись домой въ гостиницу. Увидѣвъ такое богатство, столь легко пріобрѣтенное, наши спутники, особенно же дамы нашего общества, пришли въ азартъ и стали просить Суцова поиграть и на ихъ счастье. Суцовъ дѣйствительно послѣ обѣда пошелъ опять играть и что же, кончилось тѣмъ, что онъ проигралъ не только весь свой утренній выигрышъ, но и всѣ деньги, которыя были даны ему нашими спутниками, просившими его играть за нихъ. Легко себѣ представить, съ какимъ уныніемъ всѣ узнали о такомъ печальномъ результатѣ послѣобѣденнаго предпріятія.

¹⁾ См. „Русская Старина“ май 1910 г.

21 ноября я отправился съ утреннимъ поѣздомъ желѣзной дороги въ Александрію, простившись съ каирской роскошной природой, съ каирскимъ синимъ небомъ и благодатнымъ климатомъ. Какъ бы предвѣстникомъ европейской и особенно петербургской осени, въ Александріи я засталъ уже сѣрое небо и бурную дождливую погоду.

На другой день пароходъ „Il Principe Carignano“ отправился въ Бриндизи, и я выѣхалъ на немъ.

Изъ нашихъ русскихъ со мною отправился на этомъ пароходѣ Суцовъ и И. К. Айвазовскій.

Съ самаго отъѣзда изъ Александріи подулъ сильный вѣтеръ, который скоро перешелъ въ бурю, такъ что насъ качало неимоვნно. Къ вечеру мы подошли къ острову Криту и бросили противъ него якорь, ища защиты отъ бури, за его высокими скалами. Ночь дѣйствительно мы провели относительно спокойно, хотя все же качка была довольно сильная. Утромъ передъ снятіемъ съ якоря, въ нашу каюту вошелъ матросъ и сталъ наглухо закрѣплять вентиляторы. На мой вопросъ—не успокоилось ли море—онъ отвѣтилъ, что напротивъ того, теперь только что начинается бурное плаваніе, потому что ночью мы стояли подъ защитою отъ вѣтра за Критомъ, и только что мы выйдемъ въ открытое море, буря выкажется въ полной силѣ. Дѣйствительно, только что мы вышли изъ-за острова, какъ нашъ пароходъ громадныя волны стали бросать какъ скорлупу; такой качки я никогда, ни прежде ни послѣ не испытывалъ. Несмотря на то, я подвергся дѣйствию морской болѣзни только короткое время, но зато въ продолженіе всего перехода у меня болѣла голова, и я лежалъ въ очень непріятномъ настроеніи духа.

До какой степени была сильна качка, можно судить по слѣдующему курьезному эпизоду. Когда стали накрывать столъ къ обѣду въ каютѣ-компаніи, Суцовъ подошелъ къ столу; въ это время двѣ большія волны съ двухъ сторонъ такъ сильно ударили въ пароходъ, что Суцовъ, несмотря на свою корпулентность, полетѣлъ вверхъ и затѣмъ растянулся во всю длину на столѣ. Въ это время вошелъ въ каюту гарсонъ, и увидѣвъ лежавшаго на столѣ Суцова, остановился въ недоумѣніи передъ этимъ зрѣлищемъ, но едва только Суцовъ успѣлъ слѣзть со стола, и гарсонъ сталъ требовать отъ него объясненія такой неумѣстной по его мнѣнію шутки, какъ повторилась такія же двѣ волны, и самъ гарсонъ, полетѣвъ вверхъ, также растянулся на столѣ, получивъ такимъ образомъ несомнѣнное доказательство произвольности происшедшаго эпизода.

Вся эта сцена была такъ комична, что мы, присутствовавшіе,

несмотря на морскую болѣзнь и скверное расположеніе духа, не могли удержаться отъ смѣха.

При такой бурѣ немислимо было гулять по палубѣ, и всѣ пассажиры оставались въ каютахъ; помню только, что Айвазовскій, съ трудомъ держась за перила лѣстницы, взобрался на короткое время на палубу, чтобы взглянуть на картину бушующаго моря, желая сохранить это впечатлѣніе въ памяти. По приѣздѣ въ Петербургъ, онъ написалъ, дѣйствительно, по сохраненному въ памяти впечатлѣнію, картину, представляющую борьбу „Принципа-Кариньяно“ съ бушующимъ моремъ. Я приобрѣлъ у него эту картину въ память нашего путешествія, и она до сихъ поръ виситъ у меня въ гостиной, напоминая мнѣ это интересное, давно прошедшее время. Я думаю, рѣдко кто обладаетъ морскимъ видомъ, съ представленнымъ на немъ парходомъ, на которомъ находились одновременно и живописецъ, писавшій картину и собственникъ картины.

На третій день мы прибыли, наконецъ, въ Бриндизи. Это направление пути называлось *Over Land Mail*, доставлявшее почту и пассажировъ кратчайшею дорогою изъ Остъ-Индіи. Вотъ почему въ Бриндизи уже все было приготовлено къ скорѣйшему отъѣзду. Желѣзнодорожный поѣздъ стоялъ подъ парами, ожидая причала парохода, и только что мы пристали къ молу, насъ немедленно перетрузили съ нашимъ багажомъ въ вагоны поѣзда; таможенный досмотръ былъ самый поверхностный, нашихъ чемодановъ совершенно не вскрывали, чтобы не задерживать отправленія Остъ-Индской почты.

Дорога изъ Бриндизи на западную сторону Италіи перерѣзываетъ итальянскій материкъ поперекъ, переходя черезъ Аппенинскія горы. Эта крайне живописная дорога въ то время была еще не вполне окончена. Доходя до извѣстной высоты Аппенинскаго хребта, желѣзная дорога останавливалась, а съ другой стороны она продолжалась опять за вѣршиной хребта. Самый же переѣздъ черезъ хребетъ совершался на лошадяхъ. По прибытіи на послѣднюю станцію желѣзной дороги по сю сторону, мы увидѣли у станціи около десяти большихъ дилижансовъ, которые въ полной упряжи ожидали прихода поѣзда. Такъ какъ о числѣ пассажировъ станція извѣщалась заблаговременно по телеграфу, то число мѣстъ въ почтовыхъ экипажахъ соответствовало числу пассажировъ, прибывшихъ съ поѣздомъ. Мы немедленно безъ затрудненія всѣ размѣстились въ эти экипажи съ нашимъ багажомъ. Я выбралъ мѣсто возлѣ кондуктора, чтобы свободно наслаждаться чудными видами этого живописнаго пути. Дѣйствительно, зрѣлище, представлявшееся глазамъ во время всего пути, было грандіозно. Поднимаясь на высоту, мы ѣхали умѣренно быстро. Но переваливъ черезъ хребетъ, наши эки-

пажи понеслись съ поразительной быстротой по превосходно содержимому горному шоссе. Этотъ быстрый спускъ по дорогѣ, извивавшейся по горамъ зигзагами, не могъ не вызывать во мнѣ въ началѣ ощущенія страха, потому что громадный экипажъ, запряженный четверней, несся внизъ въ полный карьеръ, а между тѣмъ въ концѣ дороги постоянно представлялись крутые повороты, за которыми зіяла ужасающая пропасть, въ которую, такъ и казалось, быстро несущійся дилижансъ долженъ обрушиться. Но лошади такъ привыкли къ извилинамъ дороги, и кучеръ такъ ловко управлялъ ими на поворотахъ, что очевидно никакой опасности, несмотря на быстроту ѣзды, не представлялось. Поэтому, мнѣ оставалось только наслаждаться спокойно раскрывавшимися предо мною чудными и грандіозными видами горной природы.

По прибытіи въ Неаполь, гдѣ меня ожидала матушка и сестры, послѣ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ еще въ Неаполь, мы отправились въ обратный путь.

1870-ый годъ—годъ франко-прусской войны, и слѣдующіе за нимъ три года ознаменовались для меня рядомъ происшествій, глубоко затронувшихъ мою судьбу и окончательно совершенно измѣнившихъ мое отношеніе къ жизни и мои воззрѣнія на жизнь.

Въ самомъ началѣ 70-го года министръ государственныхъ имуществъ Зеленый—оставилъ это министерство, управленіе имъ было поручено князю Д. А. Оболенскому; можно было предполагать, что послѣ нѣкотораго времени князь Дмитрій Александровичъ будетъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе департаментомъ таможенныхъ сборовъ было возложено на меня. Какъ выше сказано, я уже нѣсколько разъ управлялъ временно департаментомъ въ отсутствіи директора. Но теперь, въ виду совершеннаго оставленія этой должности княземъ Оболенскимъ, я былъ формально назначенъ, по Высочайшему приказу, управляющимъ департаментомъ. При такихъ условіяхъ всѣ мнѣ предсказывали мое будущее назначеніе директоромъ.

Изъ вышеуказанныхъ предположеній, однако, ни одно не осуществилось. Князь Оболенскій не былъ назначенъ министромъ, а послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ завѣдыванія министерствомъ государственныхъ имуществъ получилъ назначеніе въ члены Государственнаго Совѣта. Точно также не осуществилось и мое назначеніе директоромъ. Пришлось еще нѣкоторое время пробыть въ должности вице-директора, послѣ чего я былъ назначенъ членомъ совѣта министерства финансовъ.

Мое управленіе департаментомъ продолжалось до осени. Дѣла шли удачно, и я находился въ пріятномъ расположеніи духа, въ

ожиданіи будущаго повышенія. Между прочими распоряженіями я приступилъ къ составленію проекта новаго таможеннаго устава, потребность въ которомъ уже давно сознавалась. Можно сказать, что таможеннаго устава въ то время какъ-бы не существовало. Прежній уставъ совершенно устарѣлъ и въ главныхъ своихъ частяхъ замѣнялся временными постановленіями и частными инструкціями, такъ что въ сущности совершенно не имѣлось точно опредѣленнаго таможеннаго закона. Между тѣмъ, потребность въ ясно опредѣленномъ законѣ настоятельно ощущалась и чиновниками и публикой. Кодификація дѣйствующихъ временныхъ положеній и приведеніе послѣднихъ въ соотвѣтствіе съ оставшимися еще въ силѣ указами стараго закона—представляла, однако, немалую трудность, особенно въ виду того, что еще не рѣшались остановиться на какой-либо опредѣленной системѣ, опасаясь отказаться окончательно отъ той массы таможенныхъ формальностей, которыя лежали въ основаніи стараго закона и были обусловлены недоувѣріемъ къ честности таможенныхъ исполнителей. Вполнѣ сознавая трудности и сложность подобнаго предпріятія, я рѣшился, однако, взяться за него вслѣдъ за вступленіемъ въ управленіе департаментомъ. Я принялся энергически за дѣло, и къ осени главная часть постановленій по приему и досмотру товаровъ была уже составлена и напечатана въ видѣ проекта. Дальше я укажу, почему моя работа не вышла изъ сферы проекта; новый таможенный уставъ появился въ жизнь только въ началѣ двадцатаго столѣтія, т. е. болѣе чѣмъ тридцать лѣтъ спустя.

Ходъ прусско-французскихъ военныхъ дѣйствій въ теченіе лѣта 1870 года всѣхъ живо интересовалъ. Я тоже, съ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдилъ за движеніями обѣихъ армій, отмѣчалъ движеніе ихъ на картѣ.

Осенью до меня стали доходить свѣдѣнія о томъ, что назначеніе меня директоромъ департамента не имѣется въ виду. Легко себѣ представить, до какой степени я былъ пораженъ крушеніемъ всѣхъ моихъ надеждъ, которыя еще не задолго передъ тѣмъ представлялись твердо обоснованными.

Столь грустное для меня рѣшеніе Рейтерна было вызвано не какимъ-либо соперничествомъ другого, болѣе сильно поддержаннаго кандидата, а тѣмъ исключительно опасеніемъ, что мое назначеніе вызоветъ сильное неудовольствіе въ торговыхъ и промышленныхъ кругахъ, въ которыхъ я считался тогда крайнимъ фритредеромъ. Въ сущности подобное опасеніе могло бы имѣть дѣйствительное основаніе, если бы дѣло шло о назначеніи меня директоромъ департамента торговли и мануфактуръ, въ вѣдѣніи котораго находилось

тарифное дѣло, между тѣмъ какъ департаменту таможенныхъ сборовъ принадлежала только функція примѣненія постановленій тарифа. Но такъ какъ голосъ директора таможеннаго департамента все же имѣлъ вліяніе на общій ходъ заграничной торговли, то этимъ отчасти объясняется такое возрѣніе. Въ этомъ заключалась вся причина рѣшимости Рейтерна не назначать меня директоромъ, хотя онъ ко мнѣ всегда былъ расположенъ и, повидимому, не имѣлъ повода быть недовольнымъ моимъ веденіемъ дѣла. Придя къ такому рѣшенію, онъ вначалѣ недоумѣвалъ даже, кого назначить на это мѣсто, не имѣя подходящаго кандидата. Наконецъ, его выборъ остановился на Н. А. Качаловѣ. Н. А. Качаловъ былъ homo novus въ администраціи. Это былъ земець, очень удовлетворительно ведшій земскія дѣла въ Новгородской губерніи. Его энергическая личность обратила на себя вниманіе Государя Наслѣдника, во время поѣздки послѣдняго по Россіи; по его рекомендаціи Качаловъ былъ назначенъ архангельскимъ губернаторомъ. Рейтернъ остановилъ окончательно на немъ свой выборъ—какъ на личности, пользовавшейся въ то время репутаціей энергическаго и толковаго дѣятеля, полагая, что онъ скоро вработается подъ моимъ руководствомъ въ таможенное дѣло. То обстоятельство, что Качаловъ былъ persona grata у Государя Наслѣдника, повидимому, не имѣло рѣшающаго вліянія на выборъ Рейтерна, который вообще, по своему самостоятельному характеру, не очень подчинялся подобнымъ вліяніямъ. При томъ же, какъ я впоследствии узналъ изъ одного разговора на придворномъ балу съ О. А. Оомомъ, состоявшимъ секретаремъ у Государыни Цесаревны Маріи Θεодоровны, Государь Наслѣдникъ никакого участія въ новомъ назначеніи Качалова не принималъ. Изъ этого разговора я могъ заключить, что Государь Наслѣдникъ, вѣроятно самъ въ этомъ смыслѣ высказывался, не желая, чтобы я могъ думать, что онъ былъ причиною моего неназначенія. Когда намѣреніе Рейтерна окончательно выяснилось, какъ мнѣ о томъ сообщилъ князь Д. А. Оболенскій, я рѣшился оставить департаментъ. Мы условились съ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ, что я ему напишу письмо, въ которомъ я изложу всѣ доводы, дѣлавшіе для меня невозможнымъ сохранять званіе вице-директора, и что онъ покажетъ это письмо Рейтерну. Въ этомъ письмѣ я указывалъ, что мною руководятъ не соображенія обиженнаго честолюбія, а побужденія совершенно другого рода. При Оболенскомъ, а потомъ и при совершенно самостоятельномъ управленіи департаментомъ, я былъ непосредственнымъ участникомъ (а впоследствии, хотя и кратковременнымъ, руководителемъ) въ организаціи таможеннаго дѣла, въ направленіи, которое я считалъ наиболѣе полезнымъ для государства. Можно было опасаться,

что новый директоръ, человекъ энергическій, но мало знакомый съ таможеннымъ дѣломъ, захочетъ проводить свои идеи и дастъ дѣлу совершенно другое направленіе. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, мнѣ пришлось бы участвовать такъ или иначе въ ломкѣ всего того, что мы вмѣстѣ съ Оболенскимъ столько лѣтъ создали. Такое положеніе для человека, который не относится къ дѣлу только съ чиновничьей точки зрѣнія, должно быть невыносимо и т. д. Затѣмъ послѣдовалъ продолжительный разговоръ съ Рейтерномъ. Михайлъ Христофоровичъ никакъ не хотѣлъ стать на ту почву, которой я коснулся въ моемъ письмѣ, но старался меня убѣдить, что, отдавая полную справедливость моимъ способностямъ и моей административной дѣятельности—въ такомъ учрежденіи, какъ таможенное вѣдомство, въ составъ которыхъ входитъ такая масса служащихъ, необходима особенно сильная и энергичная рука для управленія столь многочисленнымъ и разнообразнымъ составомъ, а такую энергію именно и отличается Качаловъ. Указывая на это какъ на причину принятаго имъ рѣшенія, Рейтернъ очень деликатно обходилъ главную причину, мою фритредерскую репутацію, о которой онъ говорилъ съ княземъ Оболенскимъ, такъ какъ онъ всегда съ большимъ уваженіемъ относился къ убѣжденіямъ своихъ подчиненныхъ и потому не хотѣлъ затронуть со мною этой стороны вопроса. Я считалъ, однако, необходимымъ настаивать на моемъ рѣшеніи, обѣщая Рейтерну, если онъ согласится дать мнѣ другое назначеніе, заниматься вмѣстѣ съ Качаловымъ таможенными дѣлами столько времени, сколько окажется необходимымъ, чтобы совершенно ознакомиться его съ дѣломъ, такъ какъ это, очевидно, Рейтернъ считалъ необходимымъ. Но Михайлъ Христофоровичъ никакъ на это не хотѣлъ согласиться, требуя, чтобы я безусловно подчинился его рѣшенію и оставался на моемъ вице-директорскомъ посту—хотя и подразумевалось, что это должно было быть только временно. Въ характерѣ Рейтерна одновременно съ деликатностью истиннаго джентельмена—онъ всегда относился, какъ уже сказано, съ уваженіемъ къ мнѣніямъ подчиненныхъ ему лицъ, допускалъ всякія возраженія; съ нимъ можно было серьезно спорить въ дѣлахъ—въ его характерѣ была вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно развита авторитетная черта. Вотъ почему онъ никакъ не хотѣлъ согласиться на оставленіе мною поста вице-директора, вслѣдъ за назначеніемъ Качалова, такъ какъ это имѣло бы характеръ протеста противъ его распоряженія. При такихъ условіяхъ нашъ разговоръ кончился, разумѣется, неудовлетворительно; я объявилъ ему, что въ виду его настоянія на требованіи, несогласномъ съ моимъ достоинствомъ, мнѣ остается только выйти въ отставку.

Уходя отъ него, мы не подали другъ другу руки, и на другой день, когда я встрѣтился съ нимъ на Невскомъ, онъ отвернулся, чтобы мнѣ не кланяться,—до такой степени онъ былъ возбужденъ противъ меня моимъ отказомъ. Товарищемъ министра финансовъ въ то время былъ С. А. Грейгъ, который всегда былъ ко мнѣ очень расположенъ, поэтому я зашелъ къ нему, чтобы сообщить ему о моемъ разговорѣ съ Рейтерномъ. Самуилъ Алексѣевичъ долго со мною бесѣдовалъ и старался убѣдить меня не доводить дѣла до окончательнаго разрыва, тѣмъ болѣе, что отъ меня очевидно требовалась только временная жертва. Я согласился съ его доводами, выразивъ при этомъ только желаніе, — въ виду того, что я тогда уже помышлялъ о женитьбѣ,—чтобы при новомъ моемъ послѣдующемъ назначеніи мое финансовое положеніе не было ухудшено— т. е. чтобы за мною было сохранено то содержаніе, которымъ я пользовался въ то время. Самуилъ Алексѣевичъ передалъ нашъ разговоръ Рейтеру, который пригласилъ меня зайти къ нему и откровенно благодарилъ меня за то, что я согласился исполнить его желаніе.

Съ Качаловымъ наши отношенія установились на деликатной и внѣшне учтивой ногѣ. При первой встрѣчѣ онъ сказалъ мнѣ, что въ сущности онъ получилъ назначеніе, которое по справедливости принадлежало бы мнѣ, но что онъ лично этого назначенія не добивался, и все произошло помимо всякой его инициативы.

Такъ какъ изъ почти насильственнаго удержанія меня на мѣстѣ вице-директора онъ могъ усмотрѣть, что на первое время министръ не считаетъ возможнымъ положиться въ дѣлѣ на него одного, то при его самолюбіи онъ постарался съ самаго начала поставить себя по возможности самостоятельно. Правда, онъ сообщалъ мнѣ о всѣхъ своихъ намѣреніяхъ и планахъ, которыхъ съ самаго начала оказалось не мало, хотя онъ еще не успѣлъ порядочно ознакомиться съ таможеннымъ дѣломъ, но собственно моего мнѣнія онъ не спрашивалъ. Такое стремленіе къ самостоятельнымъ распоряженіямъ высказалось между прочимъ съ самаго начала въ вопросѣ о составленіи проекта новаго таможеннаго устава. Въ виду того, что это былъ тогда настоятельный вопросъ, онъ рѣшился къ нему приступить. На мое сообщеніе, что часть работы по составленію проекта мною уже сдѣлана и что остается только приступить къ обсужденію готоваго проекта, онъ мнѣ объяснилъ, что онъ считаетъ нужнымъ вновь разработать все дѣло и для этой цѣли составить комиссію, въ которой онъ желаетъ, чтобы и я принялъ участіе. Въ эту комиссію кромѣ нѣкоторыхъ прежнихъ таможенныхъ чиновниковъ онъ назначилъ вновь опредѣленныхъ имъ въ департаментъ

лицъ, прежнихъ своихъ земскихъ сослуживцевъ, совершенно еще незнакомыхъ съ таможенными дѣлами. Предвидя, что при такихъ условіяхъ изъ занятій учреждаемой Качаловымъ комиссіи ничего не выйдетъ, тѣмъ болѣе, что Качаловъ не желалъ воспользоваться, даже въ видѣ матеріала выработаннымъ мною проектомъ, я призналъ совершенно бесполезнымъ мое участіе въ означенной комиссіи и высказалъ это прямо Качалову. Качаловъ сообщилъ объ этомъ въ разговорѣ Рейтерну, и Михайлъ Христофоровичъ, повидимому, вполне понялъ мою точку зрѣнія и противъ нея не возражалъ.

Какъ можно было предположить, изъ работъ этой комиссіи ничего не вышло, и таможенное вѣдомство оставалось безъ таможеннаго устава до самаго конца столѣтія. Только въ 1901 году при директорѣ Белюстинѣ былъ окончательно составленъ новый таможенный уставъ и при моемъ участіи проведенъ черезъ Государственный Совѣтъ.

Затѣмъ мои отношенія къ Качалову оставались на учтливой и приличной ногѣ, при чемъ я старался по возможности держаться въ сторонѣ, не принимая участія въ его распоряженіяхъ и занимаясь преимущественно текущими дѣлами. Наконецъ 1-го января 1872 года Рейтернъ рѣшился назначить меня членомъ совѣта, и Качаловъ мнѣ при оставленіи мною департамента сказалъ, что теперь его экзаменъ кончился.

Со стороны служащихъ въ департаментѣ до меня доходили отзывы, что я въ моихъ отношеніяхъ къ Качалову съ достоинствомъ сумѣлъ выдержать характеръ. Самъ же Качаловъ высказывалъ впоследствии, что благодаря моему тактичному образу дѣйствія наши отношенія всегда оставались корректными. Когда при Вышнеградскомъ я былъ сдѣланъ товарищемъ министра, Качаловъ, имѣя какое-либо дѣло къ министру, обращался по старой памяти обыкновенно ко мнѣ показывая тѣмъ, какое онъ сохранилъ ко мнѣ доброе расположеніе. Этому доброму расположенію особенно содѣйствовало еще одно послѣдующее обстоятельство.

Прежде въ таможенныхъ работахъ вездѣ вольные носильщики по найму отъ купцовъ; большею частію каждая значительная фирма имѣла своихъ рабочихъ. Только въ Москвѣ работала русская артель. Незадолго до оставленія департамента, князь Оболенскій, находясь въ Москвѣ и увидѣвъ тамъ работу артельщиковъ, возымѣлъ мысль ввести артели во всѣ таможни. Отвѣтственная артель дѣйствительно устраняла могущія быть злоупотребленія со стороны вольныхъ рабочихъ, которыхъ трудно было контролировать; кромѣ того такое нововведеніе представлялось ему симпатичнымъ по его чисто русской національной окраскѣ.

Въ департаментѣ принялись за разработку этого вопроса, и когда вслѣдъ за тѣмъ Качаловъ былъ сдѣланъ директоромъ, онъ съ жаромъ взялся за это дѣло и немедленно приступилъ ко введенію таможенной артели въ петербургской таможи. Мѣра эта вызвала со стороны купечества всеобщую оппозицію, во-первыхъ потому, что купцамъ удобнѣе было имѣть своихъ рабочихъ; кромѣ того еще и потому, что артель, пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ при благорасположеніи департамента, назначила чрезвычайно высокія цѣны за свою работу. Купечество обратилось къ министру финансовъ съ жалобой на это невыгодное для него нововведеніе, и Михайлъ Христофоровичъ назначилъ особую комиссію, при участіи торгующихъ, для разсмотрѣнія ихъ жалобъ. Хотя я въ то время уже оставилъ департаментъ, но Михайлъ Христофоровичъ нашелъ нужнымъ назначить и меня въ эту комиссію. Такое назначеніе вызвало сильное опасеніе со стороны Качалова; онъ боялся, что я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы поддержать, ему на зло, претензіи купцовъ и доказать такимъ образомъ неосновательность его спѣшныхъ распоряженій. Разумѣется, я объ этомъ и не думалъ, а отнесся, какъ всегда, совершенно объективно къ дѣлу. По моему указанію были, проектированы нѣкоторыя мѣропріятія для большаго надзора за артелями съ цѣлію устраненія всякаго съ ихъ стороны произвола; вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено значительное пониженіе крайне высокой установленной ими таксы. На этой почвѣ состоялся компромиссъ, удовлетворившій купечество. Такимъ образомъ я не только не сталъ въ оппозицію къ Качалову, но, напротивъ, оказалъ ему содѣйствіе, давъ ему возможность удовлетворить требованія купечества, не отказываясь отъ введенной имъ мѣры. Онъ вполне оцѣнилъ такой образъ дѣйствій съ моей стороны и неоднократно говорилъ разнымъ лицамъ, какъ я поступилъ съ нимъ благородно, не только не подставляя ему ноги, когда я такъ легко могъ это сдѣлать, но, напротивъ, даже поддержалъ его.

Въ этомъ же году я былъ выбранъ почетнымъ членомъ Петербургскаго губернскаго статистическаго комитета.

Наконецъ около этого же времени возникло еще и другое предположеніе относительно моего служебнаго положенія. Е. И. Ламанскій былъ тогда управляющимъ государственнымъ банкомъ, и при немъ не было замѣщено еще мѣсто товарища управляющаго. Въ то время, какъ я помышлялъ объ оставленіи министерства, А. Б. Бушень, съ которымъ я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, какъ-то въ разговорѣ съ Ламанскимъ указалъ ему, почему бы ему не взять меня въ товарищи. Ламанскій изъявилъ на это согласіе, князь Оболенскій, который продолжалъ интересоваться моимъ положеніемъ,

сообщилъ объ этомъ предположеніи Рейтерну, который вполнѣ его одобрилъ, замѣтивъ, что это именно подходящее для него (т. е. для меня) мѣсто. Казалось, дѣло было рѣшено; но между тѣмъ время шло, и Ламанскій все не рѣшался приступить къ моему назначенію,—очевидно, со стороны разныхъ окружавшихъ его лицъ стали интриговать противъ моего назначенія, которое окончательно, по слабости характера Ламанскаго, такъ и не состоялось.

Въ теченіе 1871 года начались мои довольно близкія потомъ отношенія къ Михайловскому дворцу. Великая Княгиня Елена Павловна искала, кого бы назначить гофмейстеромъ послѣ А. А. Абазы, который въ это время былъ назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ и по этому случаю оставилъ свою придворную должность. М. Х. Рейтернъ, который, во время назначенія Качалова, считалъ нужнымъ пожертвовать мною, оставался однако по-прежнему ко мнѣ расположенъ, и когда Елена Павловна обратилась къ нему за совѣтомъ по поводу выбора гофмейстера, указалъ ей на меня. При великой княгинѣ въ это время пользовался большимъ вліяніемъ докторъ Эйхвальдъ, который съ своей стороны указалъ ей на Квиста; его рекомендація получила перевѣсъ, и Великая Княгиня остановилась на послѣднемъ кандидатѣ.

По этому поводу она пожелала однако со мною познакомиться, и я получилъ приглашеніе посѣщать ея вечера на Каменномъ островѣ, часто обѣдалъ у нея, и осенью проводилъ даже по нѣсколькимъ днямъ въ Ораніенбаумѣ. Тамъ былъ между прочимъ устроенъ домашній спектакль, въ которомъ я участвовалъ вмѣстѣ съ состоявшей при великой княгинѣ фрейлиной Императрицы, графиней Кейзерлингъ, супругой Г. С. Перетца, секретаремъ прусскаго посольства Тильманомъ, нынѣ статсъ-секретаремъ въ Берлинѣ и нѣкоторыми другими лицами. Такимъ образомъ у меня установились довольно близкія отношенія къ Михайловскому дворцу и между прочимъ къ находившимся при Вел. Княгинѣ баронессѣ Рааденъ и фрейлинѣ Эйлеръ—дружескія отношенія къ этимъ двумъ личностямъ сохранились у меня до самой ихъ смерти. Выбравъ Квиста гофмейстеромъ, великая княгиня предложила мнѣ другую сферу дѣятельности при ней, а именно: положеніе предсѣдателя въ комитетѣ дешевыхъ столовыхъ для студентовъ.

Это было время первыхъ студенческихъ смуть. Елена Павловна, которая принимала живѣйшій интересъ во всемъ, что происходило въ Россіи, возымѣла мысль устроить дешевыя столовыя для студентовъ, въ надеждѣ, что такая заботливость о ихъ матеріальномъ благосостояніи будетъ имѣть нѣкоторое успокаивающее на нихъ вліяніе. Столовая была устроена вначалѣ въ наемномъ помѣщеніи

на Петербургской сторонѣ, не очень удобномъ, и потомъ переведена въ отдѣльный помѣстительный флигель при медицинской академіи, предоставленный военнымъ министромъ въ распоряженіе Великой Княгини. Несмотря на всѣ старанія удовлетворительнаго устройства столовой и на хорошую пищу, отпускаяшюся по дешевой цѣнѣ—учрежденіе это однако не могло пойти успѣшно. Такъ какъ въ то время особенно опасались сходокъ студентовъ, то было постановлено, что обѣдающіе въ столовой студенты не должны оставаться послѣ обѣда въ помѣщеніи столовой, т. е. чтобы они тамъ не засиживались; по этой же причинѣ въ столовой не было разрѣшено держать газеты и, кажется, курить, такъ какъ во время обѣда куреніе не полагалось, а послѣ обѣда студенты должны были уходить. Такая регламентація и дисциплина, разумѣется, не нравились студентамъ; кромѣ того въ средѣ ихъ появлялись личности, которыя постоянно старались мѣшать всякимъ предпріятіямъ правительства на пользу студентовъ, чтобы поддерживать въ средѣ ихъ неудовольствіе—и вотъ почему одно то, что столовая имѣли отчасти характеръ правительственнаго учрежденія—дискредитировало ихъ въ глазахъ студентовъ. Чтобы помѣшать дѣлу и поставить столовую въ затруднительное положеніе, студенты стали намѣренно посѣщать столовую крайне нерегулярно. Одинъ день столовая была почти пуста, а въ другой день приходила разомъ масса студентовъ, которые громко жаловались, что имъ приходится ждать очереди—потому, что при такомъ неравномѣрномъ посѣщеніи, крайне трудно было составлять предположеніе о числѣ необходимыхъ обѣдовъ и рассчитать впередъ, на сколько посѣтителей готовить обѣды. Мнѣ самому иногда по этому поводу приходилось объясняться съ посѣтителями,—помню, что я имъ объяснялъ, что я хорошо понимаю ихъ положеніе, ибо въ свое время самъ былъ студентомъ и студентомъ бѣднымъ, принужденнымъ давать уроки, и что потому вполне сочувствую ихъ положенію и несомнѣнно желаю устроить дѣло сколь можно для нихъ удобнѣе, но что они съ своей стороны должны оцѣнить дѣятельность лицъ, изъ одного интереса къ дѣлу жертвующихъ своимъ временемъ и своими трудами, въ надеждѣ сдѣлать для нихъ полезное; наконецъ, что никто не принуждаетъ ихъ приходить въ столовую, но, пользуясь предоставленнымъ имъ удобствомъ, имъ не слѣдовало бы намѣренно затруднять веденіе для нихъ же устроеннаго предпріятія.

Но всѣ эти объясненія, при существовавшемъ въ то время возбужденіи въ студенческой средѣ, не имѣли никакого вліянія на ихъ отношенія къ столовымъ. Число посѣтителей постоянно уменьшалось, студенты очевидно предпочитали посѣщать дешевыя частныя кухмистерскія, гдѣ ихъ кормили гораздо хуже и дороже, но

гдѣ они не были стѣснены какими-либо правилами, могли заснживаться сколько угодно, курить, читать газеты и т. п.

При такомъ положеніи дѣла, расходы столовыхъ далеко не могли окупиться. Пока жива была Елена Павловна, постоянныя субсидіи съ ея стороны еще поддерживали предпріятіе, но послѣ ея смерти столовыя продержались не долго. Баронесса Рааденъ, принимавшая дѣятельное участіе во всѣхъ предпріятіяхъ покойной Великой Княгини, постоянно относилась съ живѣйшимъ интересомъ и къ дѣлу столовыхъ. Чрезвычайно умная, живая и энергичная, она клала свой трудъ на это предпріятіе, не желая однако принимать формальнаго участія въ управленіи столовыми. Это ставило меня, какъ предсѣдателя комитета, по временамъ въ затруднительное положеніе и вызывало даже столкновеніе между нами, несмотря на то, что я находился съ нею въ лучшихъ отношеніяхъ, основанныхъ на взаимномъ расположеніи и уваженіи. Увлекаясь своею энергіею и своимъ интересомъ къ дѣлу, она иногда дѣлала разныя распоряженія, не условившись по этому поводу и не предваривъ даже о томъ комитетъ и его предсѣдателя, что очевидно ставило послѣдняго въ неловкое положеніе. Всѣ отдавали полную справедливость энергіи баронессы и ея глубокому интересу къ дѣлу, и никто не сталъ бы ей препятствовать въ принятіи той или другой мѣры, которую она считала необходимой, но слѣдовало по крайней мѣрѣ предупредить лицъ, завѣдывавшихъ дѣломъ, чего она почти никогда не дѣлала, дѣйствуя въ этихъ случаяхъ большей частію совершенно самостоятельно.

Такого же рода столкновенія произошли у нея въслѣдствіи съ К. К. Гротомъ. До того она находилась съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и его назначеніе главноуправляющимъ учрежденій Императрицы Маріи послѣдовало отчасти по рекомендаціи баронессы Рааденъ. Но вслѣдъ за его назначеніемъ она стала вмѣшиваться въ дѣла институтовъ, безъ предварительнаго согласія съ главноуправляющимъ и такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, она имѣла личный докладъ у Государыни Императрицы, то являлась какая-то двойственность въ управленіи. Гротъ не могъ не протестовать противъ такого веденія дѣла, и кончилось тѣмъ, что ему пришлось оставить свое положеніе, такъ какъ Государыня Императрица была совершенно на сторонѣ баронессы Рааденъ. Послѣ, кажется, двухлѣтняго пребыванія въ должности, при возвращеніи изъ отпуска, К. К. Гротъ получилъ увѣдомленіе, что ему уже не слѣдуетъ вступать въ управленіе учрежденіемъ.

Мои отношенія къ баронессѣ стали особенно затрудняться послѣ смерти Елены Павловны, когда наши дополнительные ресурсы

изсякли. Великая Княгиня Екатерина Михайловна, устроившая свои дешевыя столовыя для народа, не была расположена приплачивать еще на содержаніе студенческихъ столовыхъ. При постоянномъ дефицитѣ послѣднихъ, благоразуміе требовало пріостановить ихъ совершенно; но баронесса Рааденъ, глубоко чтя память Елены Павловны, никакъ не хотѣла согласиться на прекращеніе предпріятія, созданнаго покойною Великой Княгиней и къ которому она всегда относилась съ живѣйшимъ интересомъ. Она настаивала на продолженіи веденія дѣла, утверждая, что она готова отвѣчать за всѣ дефициты. Я не считалъ однако возможнымъ продолжать при такихъ условіяхъ веденіе дѣла, предвидя, что дефицитъ можетъ дойти до такой цифры, о которой баронесса даже не можетъ отдать себѣ отчетъ. Наша задолженность поставщикамъ провизій все росла, хотя и я съ своей стороны рѣшался кое-что приплачивать, на удовлетвореніе по крайней мѣрѣ самыхъ назойливыхъ кредиторовъ. Не имѣя возможности уговорить баронессу, я рѣшился обратиться къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ и просить ее объ увольненіи меня отъ званія предсѣдателя комитета столовыхъ, такъ какъ при данныхъ обстоятельствахъ я не вижу возможности продолжать дѣло. Великая Княгиня, разумѣется, согласилась на мое увольненіе, но баронесса Рааденъ за это долго на меня сердилась, и только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ наши прежнія дружескія отношенія опять возстановились. Послѣ моего ухода она уговорила Деврвиза принять на себя предсѣдательство въ комитетѣ, и благодаря его денежнымъ вспомошествованіямъ, дѣло могло идти нѣкоторое время, но все же кончилось тѣмъ, что студенческія столовыя пришлось закрыть, какъ я это давно предвидѣлъ. По самому существу дѣла, несмотря на всѣ благія намѣренія, оно было лишено рациональныхъ условій существованія.

Около этого же времени я былъ назначенъ членомъ въ комиссію по вопросу объ акцизѣ съ сахара и еще въ другую комиссію по выработкѣ акціонернаго устава. Сахарный вопросъ ставился въ смыслѣ огражденія нашей промышленности высокими таможенными покровительственными пошлинами, съ одновременнымъ опредѣленіемъ размѣра акциза, который она могла бы вынести. При незначительности предполагаемаго акциза, такое положеніе вызывало значительныя жертвы со стороны казны, такъ какъ прежній доходъ отъ пошлины на привозимый сахаръ, при запретительной пошлинѣ, почти совершенно прекратился, акцизъ же могъ давать только самый незначительный доходъ, такъ какъ имѣлся въ виду акцизъ всего (сколько помню), въ 20 или 30 коп. съ пуда, при чемъ оплачивалось не дѣйствительно производимый сахаръ, а предпола-

гаемое производство, исчисляемое по механизму завода и количеству употребленнаго сырого матеріала, такъ что, путемъ усовершенствованія механизма, большіе заводы получали возможность значительно уменьшить въ дѣйствительности номинальный акцизъ съ пуда сахара. А. А. Абаза, который былъ также членомъ комиссіи и сильно отстаивалъ интересы сахарозаводчиковъ, доказывалъ, что эта потеря только временная, что съ развитіемъ производства акцизъ можно будетъ поднять даже до рубля, и тогда доходъ значительно увеличится. Предсказанія его осуществились съ избыткомъ; въ настоящее время свекловичный сахаръ оплачивается уже не рубль, а 1 р. 75 к. съ пуда дѣйствительнаго производства и даетъ казнѣ дохода до 75 милліоновъ рублей. Чрезмѣрное покровительство сахарной промышленности все же однако создало нѣкоторыя неудобства, вызвавъ чрезмѣрное и не соответственное потребности потребленія число заводовъ, такъ что пришлось въ началѣ допустить, а затѣмъ и формально организовать сахарный синдикатъ.

Мое назначеніе членомъ комиссіи для выработки акціонернаго закона, состоявшей подъ предсѣдательствомъ А. И. Бутовскаго, было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что около этого времени я написалъ книгу объ акціонерныхъ законахъ разныхъ странъ. Въ моемъ сочиненіи я проводилъ мысль о явочной системѣ. Я стремился доказать вредное вліяніе существующей концессионной системы, обусловливающей каждое образованіе акціонерной компаніи спеціальнымъ разрѣшеніемъ правительства, системы, какъ бы возлагающей отвѣтственность на правительство, за каждое образующееся акціонерное общество, хотя въ дѣйствительности правительство совершенно не можетъ ручаться за солидность будущаго веденія дѣла утверждаемымъ имъ обществомъ. Напротивъ, при установленіи общихъ условій регистраціи, обязательныхъ къ исполненію при образованіи всякой компаніи и между прочимъ требованія полной оплаты акцій въ теченіе опредѣленнаго времени—акціонерное дѣло могло бы быть поставлено на болѣе здоровую ногу; особенно устранилась бы столь вредная спекуляція, основанная на неполной оплатѣ акцій, распространенная у насъ въ послѣднее время и причинившая не мало вреда. Мысль моя была отчасти принята комиссіей, но ея труды залежались, министръ какъ-то не рѣшался внести проектъ новаго акціонернаго закона въ Государственный Совѣтъ. Послѣ того въ департаментѣ торговли нѣсколько разъ принимались еще за выработку акціонернаго закона, но каждый разъ безъ результата. Нынѣ (1903) былъ опять составленъ подобный проектъ, во время управленія департаментомъ Ковалевскаго,—но получить ли онъ утвержденіе—еще вопросъ.

Въ слѣдующемъ году въ Петербургѣ долженъ былъ состояться международный статистическій конгрессъ, и потому была образована подготовительная комиссія для разработки предварительнаго матеріала, въ которой я также принималъ участіе. Почетнымъ предсѣдателемъ конгресса былъ назначенъ С. А. Грейгъ, всѣмъ же дѣломъ распоряжался главнымъ образомъ П. П. Семеновъ, состоявшій тогда предсѣдателемъ статистическаго совѣта мин. вн. дѣлъ. Секретаремъ конгресса предполагалось назначить А. Б. фонъ Бушена, извѣстнаго своими статистическими работами не только на русскомъ, но и на нѣмецкомъ языкѣ, человека необыкновенно умнаго и энергичнаго. Но секретарь никакъ не могъ ладить съ предсѣдателемъ подготовительной комиссіи П. П. Семеновымъ. Уже прежде между ними существовало нѣкоторое соперничество, — теперь же при общемъ дѣлѣ Бушенъ никакъ не могъ подчиниться руководительству Семенова, во многихъ частныхъ вопросахъ былъ различнаго съ нимъ мнѣнія и, наконецъ, кончилось тѣмъ, что онъ отказался отъ секретарства еще до начала конгресса. Петръ Петровичъ предложилъ мнѣ взять на себя эту роль, но по разнымъ соображеніямъ я отклонилъ это предложеніе. Тогда Петръ Петровичъ обратился къ И. И. Вильсону, также извѣстному своими учеными работами и принимавшему участіе въ предъидущихъ конгрессахъ. И. И. Вильсонъ согласился принять на себя званіе секретаря и при его скромномъ и укладистомъ характерѣ, дѣло пошло совершенно удовлетворительно.

Цѣтомъ 1871 г. состоялась моя помолвка съ Софіею Александровною Фольбортъ.

Осенью я отправился съ матушкою и сестрами за границу въ Италію; мы провели нѣсколько недѣль на морскихъ купаньяхъ въ Пегли около Генуи, откуда часто посѣщали этотъ красивый и интересный городъ. Генуя изобилуетъ старинными дворцами мѣстной аристократіи, наполненными произведеніями живописи и искусства. Самое положеніе Генуи на берегу моря весьма красиво; около всего города, вдоль морского берега, тянется эспланада, родъ бульвара, представляющая при каждомъ поворотѣ неожиданно красивые виды. Это гулянье, называемое *Aqua Sola*, составляетъ одну изъ главныхъ красотъ города. Въ Пегли мы познакомились со старикомъ Фонтономъ, бывшимъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, который, послѣ выхода въ отставку, совершенно поселился въ Италію. Этотъ замѣчательный и чрезвычайно умный старикъ жилъ почти отшельникомъ, мы съ нимъ однако очень сблизились и постоянно пользовались его пріятнымъ обществомъ. Онъ водилъ насъ гулять по окрестностямъ Пегли, ему хорошо извѣстнымъ, знакомя насъ съ красотами мѣстной природы.

1-го января 1872 г., какъ уже сказано, я былъ назначенъ наконецъ членомъ совѣта министра финансовъ и былъ очень доволенъ окончательно распроститься съ таможеннымъ департаментомъ.

Въ февралѣ состоялась моя свадьба. Послѣ свадьбы мы отправились съ женою на два мѣсяца за границу. Черезъ Берлинъ и Вѣну мы направились въ Италію, посѣтили Венецію, Флоренцію, Римъ, Неаполь, Сорренто, наслаждаясь вмѣстѣ чудною природою этихъ городовъ, произведеніями искусства и историческими воспоминаніями, которыми они такъ богаты. Проѣзжая черезъ Берлинъ, мы встрѣтились съ А. Г. Рубинштейномъ. Тамъ предстоялъ его концертъ, но всѣ билеты были уже распроданы и только благодаря любезности Антона Григорьевича, который предоставилъ намъ два отдѣльных мѣста въ залѣ, намъ удалось присутствовать на этомъ интересномъ концертѣ. Въ Петербургѣ Рубинштейна всегда встрѣчали громкими аплодисментами, но такого энтузіазма, какъ въ Берлинѣ, я не встрѣчалъ даже и у насъ. Вся зала, наполненная самою изящною аристократическою публикою, дрожала отъ аплодисментовъ и криковъ браво, расточаемыхъ нашему геніальному виртуозу.—Послѣ концерта Рубинштейнъ пригласилъ насъ на ужинъ въ ресторанѣ, въ обществѣ нѣсколькихъ артистовъ и знакомыхъ. Впечатлѣнія берлинскаго концерта неизгладимо сохранились въ моей памяти.

По возвращеніи въ Петербургъ осенью состоялся статистическій конгрессъ. Кромѣ ученыхъ занятій, какъ и на всѣхъ конгрессахъ, были устроены разныя увеселительныя прогулки для членовъ конгресса. Ихъ возили въ Павловскъ, въ Петергофъ, показывали имъ дворцы, угощали обѣдами и завтраками и т. п. Помню особенно интересный вечеръ у великой княгини Елены Павловны въ Михайловскомъ дворцѣ. За мое участіе въ статистическомъ конгрессѣ я получилъ орденъ Св. Анны первой степени. Около этого же времени я получилъ отъ прусскаго правительства звѣзду краснаго орла. Этотъ орденъ былъ мнѣ переданъ прусскимъ посломъ княземъ Рейсомъ, съ указаніемъ, что этимъ отличіемъ онъ желалъ мнѣ выказать признательность прусскаго правительства за мои справедливыя отношенія къ интересамъ прусской торговли во время моей бытности вице-директоромъ и управляющимъ департаментомъ таможенныхъ сборовъ. Нисколько не теряя изъ вида нашихъ собственныхъ интересовъ, я всегда считалъ возможнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти интересы не затрагивались, оказывать снисхожденіе прусскимъ ходатайствамъ, которыя большею частью заключались въ просьбахъ о смягченіи или сложеніи разныхъ таможенныхъ штрафовъ, которымъ нерѣдко подвергались прусскіе торговцы;

я не встрѣчалъ къ тому препятствія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда выяснялось, что неточность товарнаго объявленія происходила явно по ошибкѣ, а не съ намѣреніемъ обмана; я считалъ долгомъ, сколько отъ меня зависѣло въ моей скромной сферѣ дѣятельности, дѣлать возможное для поддержанія хорошихъ отношеній съ сосѣднею страной. Сознаюсь, что высказанная мнѣ по этому случаю признательность прусскаго правительства доставила мнѣ истинное удовольствіе.

Мое семейное счастье продолжалось не долго, менѣе трехъ лѣтъ. Въ началѣ слѣдующаго года моя жена заболѣла. Для поправленія ея здоровья, я осенью взялъ отпускъ, и мы отправились на лѣченіе въ Вильдунгенъ и затѣмъ на берегъ Женевского озера. Мы помѣстились въ живописной гостиницѣ „Байронъ“, лежащей около Вильнева, на берегу озера, противъ знаменитаго Шильонскаго замка, описаннаго Байрономъ въ его стихотвореніяхъ. Здѣсь мы провели около полугода. Въ Вильдунгенѣ мы познакомились съ американскимъ семействомъ Вильямсъ, въ которомъ мы нашли очень пріятныхъ собесѣдниковъ, такъ что мы вскорѣ очень съ ними сблизились. Вильямсъ представлялъ рѣдкій типъ американскаго джентльмена. Такія личности встрѣчаются среди американцевъ не очень часто, но за то они крайне симпатичны, соединяя въ себѣ всѣ достоинства энергическаго американскаго характера, безъ обычныхъ недостатковъ янки. Замѣчательно, что и въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ въ нѣкоторой степени аристократическій классъ, это потомки англійскихъ семействъ, первоначально переселившихся въ Америку. Издается даже особенная книга, родъ Готскаго календаря, въ которомъ перечислены потомки этихъ семействъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Быть занесеннымъ въ этотъ фамильный альманахъ считается тамъ большимъ почетомъ. Этотъ небольшой кругъ лицъ (къ которому принадлежалъ и Вильямсъ) составляетъ въ Соединенныхъ Штатахъ какъ бы особую группу высшаго сословія, фактически существующаго, въ родѣ Фобура Сень-Жермена въ Парижѣ. Богачи милліонеры, большею частію вышедшіе изъ самаго низшаго класса рабочихъ и часто мало образованные, несмотря на роскошный образъ жизни, не пользуются у себя дома особеннымъ почетомъ, и потому большею частію ихъ семейства предпочитаютъ жить въ Европѣ, въ Парижѣ и Лондонѣ, гдѣ ихъ колоссальное богатство открываетъ имъ доступъ во всѣ сферы общества и даетъ имъ возможность заключать браки съ высокотитулованными лицами. Какъ я уже замѣтилъ, мы сошлись очень близко съ семействомъ Вильямсъ и впоследствии находились нѣкоторое время въ дружеской перепискѣ.

Здоровье жены поправлялось очень медленно и потому, когда кончился мой отпуск, все еще немисливо было ѣхать съ нею обратно въ Россію. Я рѣшился потому оставить ее на берегу Женевскаго озера и возвратиться одинъ въ Петербургъ. Это было въ началѣ 1874 года. Разставаться съ больною, любимую женою было очень тяжело, и я въ грустномъ настроеніи отпавился въ обратный путь.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, пріѣхалъ туда австрійскій императоръ и, подѣ влияніемъ взаимно дружественнаго настроенія двухъ державъ, было рѣшено, для большаго сближенія между ними, заключить нѣчто въ родѣ торговой конвенціи между Россіей и Австріей, въ цѣляхъ сближенія взаимныхъ торговыхъ сношеній.

Веденіе переговоровъ по этому поводу съ австрійскими делегатами было возложено М. Х. Рейтерномъ на меня, при участіи еще нѣкоторыхъ чиновниковъ министерства финансовъ, которые по этому поводу были ко мнѣ прикомандированы.

Такъ какъ пріѣздъ австрійскихъ делегатовъ нѣсколько замедлился, а между тѣмъ наступали праздники Пасхи, то у меня родилась мысль съѣздить на нѣсколько дней въ Швейцарію, чтобы повидаться съ женою. Министръ изъявилъ на это согласіе, и я уже собирался въ путь, какъ вдругъ было получено извѣстіе о предстоящемъ пріѣздѣ австрійцевъ. При такихъ условіяхъ, Рейтернъ считалъ, что мнѣ неудобно уѣзжать даже на короткое время, въ самый моментъ ихъ пріѣзда. Нечего было дѣлать, пришлось отказаться отъ исполненія желаннаго проекта, о чемъ я тѣмъ болѣе сожалѣлъ, что пріѣздъ уполномоченныхъ все же замедлился на нѣсколько дней, такъ что въ сущности я успѣлъ бы съѣздить и вернуться обратно къ ихъ прибытію.

Наконецъ австрійскіе делегаты прибыли, и наши переговоры начались. Мы имѣли рядъ засѣданій, но дѣло двигалось очень медленно. Задача наша была дѣйствительно не легкая. Я замѣтилъ выше, что имѣлось въ виду нѣчто въ родѣ торговаго договора. Эта неопредѣленность задачи съ самаго начала и составляла главную ее трудность.

Въ настоящее время почти всѣ европейскія державы связаны между собою торговыми договорами, основанными на взаимныхъ облегченіяхъ въ таможенномъ тарифѣ, но въ то время наше правительство твердо и абсолютно держалось системы автономнаго тарифа, не допуская возможности какихъ-либо соглашеній на этой почвѣ. Считалось безусловно необходимымъ сохранять полную, не стѣсненную никакими соглашеніями съ другими державами, свободу

въ распоряженіяхъ внутренней таможенной политики. При такомъ господствовавшемъ у насъ возрѣніи, облегченіе торговыхъ сношеній съ Австріею могло касаться только упрощенія таможенныхъ формальностей, увеличенія числа и компетенціи пограничныхъ пунктовъ и вообще всякихъ облегченій въ пограничныхъ сношеніяхъ. Но австрійскіе делегаты желали большаго и потому, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, нашли нужнымъ обратиться къ своему правительству за новыми инструкціями. Проходили дни, даже недѣли, мы все ожидали присылки испрошенныхъ инструкцій, а онѣ не приходили. Между тѣмъ я уже имѣлъ разрѣшеніе немедленно по окончаніи переговоровъ уѣхать къ женѣ за границу. Безконечное ожиданіе, которому не предвидѣлось предѣла, при такихъ условіяхъ, выводило меня окончательно изъ терпѣнія; наконецъ я рѣшился дѣйствовать самостоятельно. До сихъ поръ во всѣхъ дѣлахъ я большею частью въ существенныхъ вопросахъ игралъ только роль исполнителя указаннаго начальствомъ хода дѣла. Теперь же, выведенный изъ терпѣнія, я рѣшился предложить *propter motu* австрійскимъ делегатамъ, такъ какъ они все не получали новыхъ инструкцій, отложить переговоры до осени, чтобы дать имъ возможность лично доложить своему правительству о ходѣ дѣла и затѣмъ уже получить новыя инструкціи. Они сейчасъ же согласились на мое предложеніе, потому что ихъ положеніе, при отсутствіи необходимыхъ инструкцій, было весьма неловкое, и мы такъ и порѣшили. Рейтерну я доложилъ уже о состоявшемся рѣшеніи и мое распоряженіе не вызвало никакого возраженія съ его стороны. Австрійцы уѣхали, и наши переговоры возобновились только въ слѣдующемъ году въ Вѣнѣ, гдѣ мнѣ удалось привести ихъ къ удовлетворительному окончанію.

Главные уступки со стороны Австріи заключались въ разныхъ существенныхъ облегченіяхъ при провозѣ нашего скота. Рейтернъ меня благодарилъ за достигнутые результаты и прибавилъ при этомъ, что онъ самъ не могъ бы лучше устроить это дѣло.

Вслѣдъ за состоявшимся рѣшеніемъ отложить переговоры до осени, я уѣхалъ за границу. Здоровье жены, повидимому, нѣсколько улучшилось, но полнаго возстановленія здоровья не оказывалось. Въ маѣ мы вернулись въ Петербургъ и провели лѣто на дачѣ въ Парголовѣ, при постоянныхъ колебаніяхъ въ положеніи здоровья жены, между надеждой и опасеніями. По возвращеніи въ городъ, къ прежнему недугу присоединилась еще скоротечная чахотка, и моя жена скончалась 2-го декабря 1874 года.

Моя брачная жизнь продолжалась всего не полныхъ трѣхъ годовъ съ феврала 1872 года по декабрь 1874 г.

Со смертію моеї жены совершился какъ бы переломъ въ моей духовной жизни. Трудно описать то чувство пустоты, которое охватило меня въ первое время послѣ моего несчастія и которое довольно долго лежало тяжелымъ гнетомъ на моей внутренней жизни. Какъ будто ничего уже не существовало, что могло бы возбудить во мнѣ какой-либо интересъ; ко всему я относился совершенно безучастно.

Во время послѣдней болѣзни моей жены меня иногда нѣсколько тяготило то, что уходъ за нею, которому я посвящалъ все мое время, меня отвлекъ отъ обычныхъ дѣлъ и занятій. А теперь—что бы я далъ за то, чтобы сидѣть у постели больной жены и посвящать себя уходу за ней—теперь, когда всѣ интересы жизни представлялись мнѣ суетой, безъ всякаго для меня содержанія и безъ всякой для меня цѣны. Чтобы нѣсколько сосредоточиться въ моемъ духовномъ настроеніи и сохранить память тѣхъ мыслей и ощущеній, которыя наполняли меня въ это многознаменательное для меня время, я съ 1875 года сталъ вести журналъ, занося въ него, особенно вначалѣ, преимущественно все то, что затрогивало мою внутреннюю жизнь. На первой страницѣ журнала я выставилъ эпиграфомъ слова французскаго философа Ревия „*Finitum non est saraх infiniti*“—какъ выраженіе моего тогдашняго воззрѣнія.

Чтеніе, служебныя дѣла и т. п. занятія временно отвлекали меня отъ гнетущей меня печали, но когда удавалось такимъ образомъ на короткое время забыться и освободиться отъ тяготѣвшаго на мнѣ тяжелаго чувства печали и полной безнадежности, то послѣ того всегда слѣдовало пробужденіе прежняго тяжелаго настроенія, которое затѣмъ казалось мнѣ только еще болѣе невыносимымъ. Нерѣдко, особенно въ первое время, мнѣ случалось видѣть умершую жену во снѣ. И каждый разъ мысль, что она жива, что мы не разлучены съ нею на всю жизнь, возбуждала во мнѣ такое чувство высшаго блаженства, которое трудно описать—чувство чистѣйшей, идеальной любви, чувство, поглощающее всего человѣка и не оставляющее больше ничего желать. Если подобное идеальное настроеніе духа ожидаетъ насъ послѣ смерти, въ той жизни, то становится понятнымъ то загробное блаженство, о которомъ говорить священное писаніе. Повидимому, ощущенія, которыя покоятся въ глубинѣ души, проявляются во снѣ съ особенною интенсивностью,—вслѣдствіе того, что душа не отвлекается никакими внѣшними впечатлѣніями, никакими частностями обычной жизни, и вотъ почему эти ощущенія достигаютъ во снѣ такой силы и такой глубины, до которой они никогда не доходятъ на яву. Естественно, что послѣ того утреннее пробужденіе, поставлявшее меня лицомъ къ лицу съ печальною дѣйствительностію, было особенно тягостно.

Я не искалъ однако того, что называется развлеченіемъ, я не желалъ забыть; напротивъ того, самая печаль и все то, что напоминало мнѣ прежнее время, было для меня дорого. „Есть два способа, говоритъ швейцарскій богословъ Vinnet,—думать о любезномъ существѣ, которое уже не находится въ живыхъ,—воспоминаніе и надежда. Первое, т. е. воспоминаніе, повергаетъ въ печаль и сожалѣніе, а второе, т. е. надежда, возвышаетъ духъ и даетъ силу переносить жизнь съ нѣкоторымъ спокойствіемъ и нѣкоторымъ достоинствомъ послѣ такой утраты. Но и то и другое между собою связано неразрывно,—по мѣрѣ освобожденія воспоминанія, и надежда должна терять свою интенсивность и ослабѣвать въ своемъ воздѣйствіи на жизнь. И вотъ почему истинная любовь не только не ищетъ развлечения и забвенія, а напротивъ того, дѣлаетъ все возможное, чтобы сохранить воспоминаніе столь живымъ, сколь возможно“.

Я никогда не могъ понять, какъ нѣкоторые люди, послѣ смерти любимаго существа, стараются убить печаль забвеніемъ прошлаго, переѣзжаютъ на новую квартиру и удаляютъ отъ себя все, что могло бы напоминать имъ о прошломъ—я, напротивъ того, только въ воспоминаніи о прошломъ находилъ въ то время нѣкоторое облегченіе.

Въ поискахъ за занятіемъ, которое, не представляя обычнаго развлечения, было бы въ гармоніи съ моимъ настроеніемъ и могло бы чѣмъ-либо наполнять мое существованіе, я принялся за чтеніе сочиненій философско-религіознаго настроенія, надѣясь найти въ нихъ подтвержденіе существованія будущей жизни и надежды встрѣтиться за гробомъ съ тѣми близкими нашему сердцу личностями, съ которыми мы навсегда разстались въ этой жизни. Чисто религіозныя книги не имѣли въ то время на меня убѣждающаго вліянія, и потому я сталъ искать разрѣшенія поглощавшихъ меня мыслей и сомнѣній въ философіи.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ у меня проявлялось влеченіе къ религіозному настроенію, соединенное со скептическимъ отношеніемъ ко всему сверхъестественному—не допускавшими меня до дѣйствительно вѣрующаго настроенія. Помню, что когда я еще былъ мальчикомъ, лѣтъ кажется пяти-шести, я однажды разсматривалъ картины иллюстрированной библіи, ко мнѣ подошелъ мой дѣдъ пасторъ Фольбортъ и сталъ мнѣ рассказывать о страданіи, смерти и воскресеніи Іисуса Христа, и о томъ, что, какъ повѣствуетъ Ап. Матѳей (27,—52, 53), въ моментъ его смерти гробы отверзлись, и многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли. Во время этого разсказа у меня уже тогда, у пятилѣтняго мальчика, являлось со-

миѣніе—какъ это могло быть, что гробы разверзлись, и тѣла мертвыхъ воскресли. Точно также и впоследствии, смотря на изображение воскресенія Спасителя, на иконахъ въ церкви, я мучился сомнѣніемъ—какъ это могло произойти.

Нельзя не сознаться, что намъ, людямъ 19 и 20 вѣка, вѣра должна даваться труднѣе, чѣмъ людямъ, жившимъ во времена явленія Спасителя. Тогда люди воображали, между прочимъ, что земля одна и составляетъ главную часть міра, что покоящееся надъ нею небо является мѣстомъ пребыванія Бога и Святыхъ, а потому и мысль о будущей жизни на небѣ для праведниковъ и въ преисподней для грѣшниковъ—не представляла ничего необычайнаго и мирилась съ господствовавшими понятіями. Мы же знаемъ, что то, что намъ кажется небомъ—есть безпредѣльное пространство, что звѣзды, казавшіяся людямъ нѣкогда свѣтилами для земли, такія же тѣла, какъ и наша земля, и т. п. При такихъ условіяхъ вѣра въ наше время можетъ быть только дѣломъ сердца, которое одно въ состояніи побороть сомнѣнія нашего ума, просвѣщеннаго новѣйшими познаніями о строеніи міра.

Уже въ зрѣломъ возрастѣ мнѣ попалась между прочимъ книга Бюхнера „Kraft und Stoff“; прочитавъ ее съ интересомъ, я однако не убѣдился ея матеріалистическою тенденціею, потому что какое-то внутреннее чувство всегда влекло меня болѣе въ сторону духовнаго идеализма. Помню, что, прочитавъ книгу Бюхнера, я пришелъ однако къ заключенію, что какъ бы душа ни желала проникнуть въ тайны жизни, намъ все будущее сокрыто; между тѣмъ если бы Богу угодно было, чтобы мы восприняли дѣйствительно все то, что преподаетъ намъ религіозное вѣрованіе, то вѣроятно Богъ раскрылъ бы передъ нами, что совершится за предѣлами сей жизни; такъ какъ однако Богу не угодно было открыть намъ явственно что-либо въ этомъ отношеніи, то вѣроятно, согласно божественной же воли, слѣдуетъ спокойно ожидать того, что намъ предстоитъ въ будущей жизни.

Тогда я окончательно остановился на указанномъ заключеніи религіознаго индифферентизма—положивъ его какъ бы въ основаніе моего духовнаго настроенія. Пока жизнь текла обычнымъ порядкомъ, и никакія потрясенія не нарушали спокойнаго ея движенія, выработавшійся во мнѣ религіозный индифферентизмъ, далекій однако отъ матеріализма, меня вполне удовлетворялъ, и я на немъ окончательно успокоился. Но когда меня поразилъ жестокій ударъ судьбы, когда послѣ смерти жены я пришелъ въ настроеніе, лишенное всякой надежды, и впалъ въ какое-то сухое отчаяніе, во

мнѣ явилась потребность въ духовной опорѣ, которой я не могъ найти въ прежнемъ моемъ образѣ воззрѣнія.

Я сталъ вдумываться въ вопросы о цѣляхъ и значеніи жизни. Г-жа Гаспаріенъ (Gasparin) говоритъ гдѣ-то: „la vie est un combat continuel entre le visible et l'invisible“. Какъ это справедливо! Человѣкъ окруженъ видимою природою и видимыми проявленіями жизни,—другихъ проявленій онъ не видитъ. Между тѣмъ духовная его природа, не удовлетворяющаяся матеріальнымъ бытомъ, говоритъ ему о духовномъ мірѣ и вызываетъ стремленія къ верху, въ область, лежащую внѣ видимаго міра; отсюда сомнѣнія и постоянная борьба между видимымъ и невидимымъ, между осязаемымъ и неосязаемымъ. Вотъ почему не легко дается жизнь человѣку, который стремится дать себѣ отчетъ въ значеніи жизни и устроить сообразно съ этимъ свой образъ жизни.

Весьма естественно, что при такомъ настроеніи меня много занимала мысль о смерти. Обдумывая то состояніе, въ которомъ человѣкъ можетъ находиться въ этотъ конечный моментъ жизни, я приходилъ къ заключенію, что не слѣдуетъ желать смерти, не слѣдуетъ призывать ее, потому что это было бы неестественно и неискренно, хотя бы потому, что смерти предшествуютъ страданія болѣзни, къ которымъ нельзя относиться равнодушно,—но что слѣдуетъ всегда быть готовымъ разстаться съ жизнью. Размышляя о страхѣ смерти и приводя себѣ на память спокойную кончину многихъ людей и особенно нѣжныхъ и слабыхъ женщинъ, которыя бы особенно должны были страшиться этого роковаго момента, я объяснялъ себѣ такое явленіе слѣдующимъ образомъ.

Пока человѣкъ исполненъ свѣжихъ силъ и жизненности, мысль о смерти, о прекращеніи земного существованія неволью должна дѣйствовать на него устрашающимъ образомъ, ибо смерть есть отрицаніе жизни—а жить естественная наша потребность, какъ бы ни слагались условія жизни. Потому правдивый передъ собою человѣкъ не можетъ не сознавать, что къ идеѣ о смерти неестественно ему относиться безучастно. Когда же настаетъ послѣдняя болѣзнь, и приближается дѣйствительный моментъ смерти, то происходитъ постепенное ослабленіе силъ и умаленіе чувства жизненности. Такимъ образомъ, естественно устраняется противоположность между ощущеніемъ жизненной силы и ожиданіемъ ея прекращенія. Смерть, являясь окончаніемъ физическихъ страданій болѣзни, представляется выраженіемъ покоя, а для вѣрующаго человѣка еще и началомъ лучшаго загробнаго существованія, хотя это будущее въ нашихъ понятіяхъ и не можетъ найти себѣ какого-либо опредѣленнаго

представленія. Подобныя соображенія подкрѣпляли меня въ убѣжденіи, что не слѣдуетъ ни желать, ни бояться смерти¹⁾.

Замѣчательно, что около этого времени мнѣ пришлось услышать съ разныхъ сторонъ какъ бы увѣщанія, направленныя къ тому, чтобы поддержать и укрѣпить меня въ этомъ настроеніи.

Какъ-то утромъ, около новаго года, ко мнѣ зашелъ мой родственникъ пасторъ Газенъегеръ и говорилъ со мною въ этомъ смыслѣ, указывая, что я имѣю обязанности къ роднымъ и близкимъ, которыми не слѣдуетъ пренебрегать. Въ то же утро я зашелъ въ Казанскій соборъ и случайно выслушалъ тамъ проповѣдь на ту же тему. Священникъ говорилъ, что не слѣдуетъ забывать о смерти; сколько изъ слушающихъ его не доживутъ, быть можетъ, до слѣдующаго года, но что при этомъ не слѣдуетъ устраняться отъ житейскихъ дѣлъ, употребляя остающееся намъ время такъ, чтобы быть всегда готовымъ встрѣтить послѣднюю минуту. Въ тотъ же день, по дорогѣ я зашелъ въ лютеранскую церковь, и опять же мѣстный пасторъ Ф. говорилъ на ту же тему—а именно, что печаль должна готовить человѣка къ достойной встрѣчѣ исхода жизни, но что вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо совѣстливо и серьезно относиться къ своимъ дѣламъ и занятіямъ, исполняя все время свои обязанности внимательно, слѣдуя примѣру Христа, вся жизнь котораго была исполнена дѣятельностію на пользу ближнихъ.

Все это какъ будто именно было сказано по моему адресу; такое совпаденіе случайности съ занимавшими меня мыслями произвело на меня нѣкоторое впечатлѣніе.

Какъ уже выше сказано, въ это время я искалъ и нерѣдко находилъ то утѣшеніе, котораго еще не могла мнѣ дать религіозная вѣра, въ занятія духовно-философскими мыслями.

Въ одной изъ книжекъ „Revue des Deux Mondes“, лежавшихъ на моемъ столѣ, я нашелъ статью Vacherot о философіи. Мнѣ показалось, что спиритуалистическая философія этого писателя отвѣчаетъ моему настроенію, я приобрѣлъ его посмертныя сочиненія и сталъ читать его съ увлеченіемъ. Почти съ первой страницы я нашелъ уже массу высокихъ и благородныхъ мыслей и выраженіе

¹⁾ Однажды за границей, чувствуя себя нездоровымъ, страдаю, и долго не могъ заснуть ночью; когда затѣмъ болѣзненные ощущенія прошли, у меня, осталось только чувство глубокой усталости и утомленія, но это чувство было исполнено какого-то покоя и пріятнаго настроенія; я чувствовалъ себя какъ-бы отрѣшеннымъ отъ всего и въ такомъ мирномъ настроеніи, что мнѣ казалось, что при такомъ настроеніи можно спокойно встрѣтить смерть; въ этомъ ощущеніи мирнаго покоя было какъ бы предчувствіе состоянія души въ будущей жизни.

надежды на будущую жизнь. Затѣмъ я сталъ читать философскія статьи Reville'я (его слова—*finitum non est capax infiniti*, поставленныя во главѣ моего журнала), *Méditation sur la Religion* Гизо и цѣлый рядъ подобныхъ философскихъ трудовъ.

Книга Гизо, отъ которой я много ожидалъ, меня мало удовлетворяла. Сухія логическія соображенія въ области догматики мало убѣдительны. Jannet справедливо говоритъ по поводу разсужденія Гизо „*la dogmatique est la métaphysique de la religion et non la religion elle-même*“.

Но за то мнѣ особенно понравился Reville въ его статьѣ *Le sentiment religieux* (Rv. d. D. M.). Привожу изъ нея нѣсколько строкъ, которыя, какъ мнѣ казалось, совпадали съ тѣми мыслями, которыя, хотя и далеко не такъ ясно, были у меня самого по этому вопросу.

„Религіозное чувство требуетъ настойчиво соединенія понятія о высшей реальности, причины и поддержки всего существующаго съ понятіемъ духовнаго совершенства въ одномъ сознательномъ существѣ, которое есть Богъ. Можетъ ли такое чувство обманывать? Инстинктъ, произвольное стремленіе, естественное чаяніе души— все это требуетъ дѣйствительно существующаго объекта, вызывающаго эти невольныя стремленія. Тѣмъ хуже для метафизиковъ, если они не въ состояніи преклониться передъ этой потребностію человѣческаго существа. Религіозное чувство сознаетъ, что оно сильнѣе ихъ логики. Религіозное чувство подсказываетъ намъ, что понятіе о Богѣ охватываетъ универсальное существованіе, возвышается надъ этою универсальностію, предходя ей какъ начало (принципъ), проникая ее, какъ активная сила, господствуя надъ нею какъ высшій идеаль. При такомъ воззрѣніи можно говорить, что міръ исходитъ отъ Бога, пребываетъ въ Богѣ и восходитъ къ Богу. Только при такомъ воззрѣніи, поразительное по своему распространенію религіозное чувство человечества получаетъ смыслъ и разумное основаніе (*raison d'être*). Если бы этого не было, то можно бы сойти съ ума, созерцая міровую исторію. Какимъ парадоксальнымъ казалось бы устройство вселенной,—если бы признать въ ней развитіе начала безличнаго, безсознательнаго и несовершеннаго,—начала, которое, послѣ миллиардовъ эволюцій, дошло до созданія человѣческаго ума, и организовало этотъ умъ такимъ образомъ, что онъ созерцаетъ внутри себя обманчивый миражъ совершенства, который является неизвѣстно откуда, такъ какъ само міровое начало имъ не обладаетъ....“

Все это убѣдительно, хотя и не ново, но на меня эти сужденія производили тогда глубокое впечатлѣніе.

Около этого же времени мнѣ попала въ руки книга *Briefe an eine Freundin von W. von Humboldt*—письма, писанныя послѣ смерти жены Гумбольдта. Отвлеченно релігіозныя соображенія, высказываемыя Гумбольдтомъ въ моментъ жизни, соотвѣтствующій тому, въ которомъ я именно находился—нашли глубокій отзывъ въ моей душѣ и полезно повліяли на мое настроеніе.

Считаю не безынтереснымъ привести здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ этой замѣчательной книги.

„Человѣкъ, проводящій всю жизнь въ обществѣ людей,—совершаетъ одинокимъ переходъ изъ сей жизни въ будущую. Никто на этомъ пути сопровождать его не можетъ, хотя всѣмъ присуща надежда встрѣтить за предѣлами гроба какъ тѣхъ, которые ранѣ насъ оставили эту жизнь, такъ и тѣхъ, которые послѣ насъ остались на землѣ. Ни одинъ сердечный человѣкъ не можетъ обойтись безъ этой надежды, даже безъ этого положительнаго вѣрованія, не отказавшись отъ главнаго вожделѣнія того, что онъ считаетъ счастьемъ жизни. Мы находимъ указанія на осуществленіе такой надежды и въ священномъ писаніи; эти указанія составляютъ одну изъ самыхъ утѣшительныхъ основъ христіанскаго ученія. Стремленіе къ истинѣ, добру и прекрасному облагораживаетъ душу, но какую цѣну имѣетъ и это стремленіе безъ сочувствующей души, съ которой можно бы дѣлить это чувство? Точно также созерцаніе Бога и вѣчной истины, въ чемъ должно заключаться состояніе души послѣ смерти, можетъ быть только усилено сочувствіемъ существа, которое человѣкъ искренне и глубоко любилъ и съ которымъ до самаго момента смерти онъ былъ соединенъ мыслями и сердцемъ.

„Природа продолжаетъ свой круговоротъ, не обращая вниманія на то, что творится въ людяхъ. Какое бы горестное и болѣзненное происшествіе съ нами ни случилось, природа продолжаетъ свое теченіе съ кажушимся равнодушіемъ и безчувствіемъ. Въ моментъ, когда человѣкъ пораженъ глубокою печалію, это дѣйствуетъ на него поразительно удручающимъ образомъ, приводя его почти въ оцѣпенѣніе. Но какъ скоро его взоръ обращается далѣе, къ общему порядку вселенной, и душа его переходитъ къ настроенію, достойному мыслящаго человѣка, т. е. къ спокойному преданію своей судьбѣ (*Ergebenheit in sein Schicksal*), тогда именно этотъ вѣчный неизмѣнный круговоротъ природы получаетъ для него нѣчто утѣшительное и успокоительное. Человѣкъ начинаетъ сознавать, что даже въ сей жизни есть нѣчто твердое, неизмѣнное въ теченіи явленій, онъ начинаетъ сознавать, что онъ самъ входитъ въ составъ великаго порядка природы, который ничѣмъ не нарушается, и приходитъ къ убѣжденію, что этотъ порядокъ долженъ потому вести

несомнѣнно къ чему-то высшему, къ какому-то конечному пункту, въ которомъ всѣ сомнѣнія разрѣшаются, и всѣ казавшіеся прежде въ рѣзкомъ диссонансѣ между собою тоны сливаются въ общую гармонію... Если признавать вмѣстѣ съ тѣмъ, что природа не есть то всеобщее существо, которое соединяетъ въ себѣ весь вещественный и духовный міръ—если смотрѣть на нее, какъ на выраженіе матеріи и силы, дѣйствующихъ по промыслу Создателя, то приходишь къ заключенію, что человѣкъ не составляетъ принадлежности природы, что ей принадлежитъ только его тлѣнное тѣло, самъ же человѣкъ, его высшее и настоящее существо выходитъ изъ границъ естественной природы и приобщается къ нѣкоторому высшему порядку вещей...

„Мы испытываемъ только то, что принадлежитъ къ естественному ходу вещей; для людей, которые вмѣстѣ проводили жизнь, неизбежно долженъ настать моментъ, когда имъ предстоитъ разлука, и Гумбольдтъ стремится только привести себя въ равновѣсіе съ условіями того періода жизни, въ который онъ поставленъ судьбою (т. е. успокоиться и мирно подчиниться своей судьбѣ), считая это высшею и первою обязанностію человѣка. У людей съ сильнымъ и благороднымъ характеромъ печаль остается вѣчною; только слабохарактерные люди могутъ утверждать, что печаль ступаетъ временемъ... Одинъ родъ исчезаетъ и замѣняется другимъ, такимъ образомъ какъ бы уничтожается индивидуальность существованія—это должно бы погружать людей въ безпомощную глухую скорбь, если бы ихъ не возносило утѣшительное убѣжденіе, что Богъ все направляетъ къ благу каждой отдѣльной личности, принимая въ соображеніе и посмертное существованіе. Создатель могъ поставить человѣка въ міръ только для его личнаго блага. Онъ не могъ предоставить человѣка ни условіямъ постоянной смѣны жизненныхъ организмовъ, подчиненныхъ общимъ естественнымъ законамъ, ни принести отдѣльныя личности въ жертву идеальной цѣли того цѣлаго, которое существовало задолго до каждой отдѣльной личности, и которое будетъ продолжаться послѣ нея; того цѣлаго, которое отдѣльный человѣкъ никогда не въ состояніи ни созерцать, ни охватить полностью. Каждая личность, поставляемая въ міръ, должна бы предназначаться на счастье, въ смыслѣ внутренняго благополучія, основаннаго на исполненіи обязанностей и на любви. Въ этомъ смыслѣ Божество управляетъ человѣкомъ, любитъ его и удостоиваетъ его охраны. Въ каждой отдѣльной личности покоится цѣль и значеніе ея жизни, и съ этою цѣлію приводятся въ соотношеніе и движеніе естественныхъ явленій. Отеческое попеченіе о благѣ каждой отдѣльной личности нигдѣ не выражается

такъ прекрасно и такъ истинно утѣшительно, какъ въ христіанствѣ и Новомъ Завѣтѣ. Въ немъ обрѣтаются простѣйшія и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя трогательныя и глубоко захватывающія сердце выраженія въ этомъ смыслѣ...

„Когда совѣтуютъ думать о кончинѣ, то это въ сущности направлено только противъ легкомысленнаго отношенія къ жизни, какъ бы не имѣющей конца. Но за тѣмъ Гумбольдтъ не полагаетъ, чтобы постоянная мысль о смерти и о томъ, что насъ ожидаетъ послѣ смерти, была полезна для души. Убѣжденіе, основанное на довѣрїи къ всеобъемлющей любви и справедливости Бога, убѣжденіе, что смерть не можетъ заключать въ себѣ завершеніе состоянія несовершеннаго и не могущаго имѣть въ самомъ себѣ цѣли, а является только переходомъ къ лучшему и высшему состоянію, — это убѣжденіе должно быть такъ присуще человѣку, чтобы ничто не могло его ни на мгновеніе колебать, это убѣжденіе должно служить основаніемъ внутренняго покоя и возвышеннаго стремленія къ неистощаемому источнику утѣшенія въ печали. Вѣруя въ продолженіе жизни за гробомъ и считая встрѣчу въ будущей жизни съ существами, съ которыми мы въ этой жизни были связаны сердечною привязанностію, возможною, Гумбольдтъ не считаетъ однако возможнымъ сосредоточить всѣ свои мысли на этой надеждѣ, ибо человѣческихъ представленій о свойствѣ будущей жизни онъ не желалъ бы себѣ создавать, другія же представленія о ней намъ недоступны. Постоянныя мысли о томъ, въ чемъ могло бы заключаться существованіе послѣ смерти—только отвлекаютъ отъ жизни, сосредоточивая вниманіе на чемъ-то кажущемся, потому что намъ не дано созерцать будущее. Покрывая непроницаемымъ покровомъ то, въ чемъ будетъ заключаться будущее существованіе и оставляя каждого человѣка въ неизвѣстности относительно момента заключенія его жизни, Богъ указалъ намъ, что Онъ не благоволитъ къ занятіямъ тщетными мыслями и работою воображенія — надъ загробнымъ существованіемъ. Это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ тому, что живущій долженъ принадлежать жизни.

Гумбольдтъ поясняетъ, „что убѣжденіе, что онъ дошелъ до послѣдняго періода жизни, побуждаетъ его только къ тому, чтобы округлить жизнь, сдѣлать изъ нея нѣчто внутренне цѣльное. Доставленіе возможности въ такомъ смыслѣ подготовиться къ смерти, вмѣсто внезапнаго отозванія изъ жизни,—есть благодѣяніе Провидѣнія, благодѣяніе, которымъ слѣдуетъ воспользоваться. Онъ понимаетъ это не въ томъ смыслѣ, чтобы слѣдовало что-либо сдѣлать или что-либо завершить, а въ смыслѣ внутренней работы надъ собою, въ смыслѣ приведенія своихъ ощущеній въ полную

гармонію, въ смыслѣ содѣланія себя болѣе независимымъ отъ внѣшнихъ вліяній, однимъ словомъ, въ смыслѣ старанія сдѣлаться такимъ, какимъ человѣкъ желалъ бы быть въ моментъ спокойнаго и яснаго душевнаго настроенія.

„Въ этомъ смыслѣ каждому, сколько бы онъ надъ собою ни работалъ, недостаетъ многого; надъ этимъ приходится трудиться можетъ быть долѣе, чѣмъ даже позволяетъ это продолжительность жизни. Ни на что не слѣдуетъ такъ мало рассчитывать, какъ на свое самообладаніе и свою душевную силу. Но это стремленіе даетъ цѣну жизни даже и тогда, когда человѣка постигло какое-либо несчастіе. Жизнь есть вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшнее занятіе, дѣйствительная работа во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ положеніяхъ. Эта работа, эти внѣшнія занятія сами по себѣ не имѣютъ особеннаго значенія, но они составляютъ какъ бы нить, къ которой прикрѣпляется все высшее и лучшее въ жизни, это балластъ, безъ котораго корабль на волнахъ жизни не можетъ имѣть твердой осадки...

„Только пройдя чрезъ горнило истинной печали, человѣкъ можетъ сказать, что онъ дѣйствительно испыталъ жизнь. Онъ уже ничего не желаетъ и ничего не опасается въ будущемъ. У кого вся жизнь сосредоточивается, такъ сказать, въ одной мысли, тотъ всѣмъ обладаетъ и ни въ чемъ не нуждается. Разумѣется, если мысль сосредоточивается, такимъ образомъ, на небесномъ и божественномъ, она дѣйствуетъ особенно радостно и успокоительно, но и въ сферѣ здѣшней жизни вѣрная преданность одному чувству — направляется къ тому, что въ земномъ есть неземное, потому что земное само по себѣ не въ состояніи сосредоточить на себѣ души человѣка. И вотъ почему память объ умершихъ является мирнымъ и даже сладкимъ чувствомъ, освобождая человѣка отъ всякаго пожеланія, отъ всякаго безпокойства, какъ бы направляя мысли къ безпредѣльному и содѣйствуя тѣмъ росту душевныхъ силъ.

Такое настроеніе не удаляетъ однако человѣка отъ жизни, но только отнимаетъ жало отъ всѣхъ болѣзненныхъ и неприятныхъ ощущеній, которыми сопровождается каждая жизнь. Воспоминаніе о дѣятельности умершихъ и о томъ, что ихъ интересовало, можетъ даже связывать человѣка съ жизнью, побуждая его трудиться въ томъ же направленіи. Такимъ образомъ время и вѣчность соединяются въ душѣ человѣка, вызывая въ немъ мирное настроеніе, которое ничѣмъ не можетъ быть нарушено...“

Все вышесказанное я привожу, чтобы показать то колебаніе въ настроеніи и мысляхъ, то душевное исканіе, которое я пережилъ

въ это время. Въ этихъ мысленныхъ занятіяхъ я искалъ не столько отвѣта на возникавшіе во мнѣ запросы и сомнѣнія, сколько нравственной поддержки и поощренія держаться того образа мыслей, въ которомъ я стремился укрѣпить себя. При этомъ у меня все болѣе и болѣе высказывалась потребность надежды на нѣкоторое руководительство божественнаго Провидѣнія. Какъ ни трудно казалось мнѣ вѣрить въ непосредственное и личное вмѣшательство божественнаго воздѣйствія на жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка, но иногда мнѣ казалось, что я замѣчаю какую-то руку, которая меня ведетъ и показываетъ мнѣ путь. Въ случайномъ совпаденіи какъ бы нѣ котораго рода указаній, дававшихся мнѣ извнѣ, на возникавшіе во мнѣ въ данную минуту сомнѣнія и запросовъ, совпаденіи, о которомъ я говорилъ выше,—я стремился усмотрѣть именно такое воздѣйствіе руки Провидѣнія и потому я старался ухватиться за нее и опереться на нее.

Особенно глубокое впечатлѣніе въ этомъ смыслѣ произвелъ на меня слѣдующій случай, поразившій меня непосредственнымъ исполненіемъ моего вѣрующаго ожиданія.

Размышляя о жизни, я думалъ не только о будущемъ, но и перебиралъ прошедшее, подвергая оцѣнкѣ различные факты и дѣйствія истекшей жизни. Изъ числа прошедшихъ событій былъ одинъ фактъ, который тяжело лежалъ на моей совѣсти, и который по временамъ возникалъ въ моей памяти. Въ тогдашнемъ моемъ настроеніи, онъ вновь представился мнѣ особенно ярко. Лѣтъ пять передъ тѣмъ, возвращаясь со службы на дачу, мой экипажъ задѣлъ, сшибъ съ ногъ проходящаго по улицѣ рабочаго и повидимому переѣхалъ черезъ него. Кучеръ, разумѣется, погналъ лошадей, а я былъ такъ пораженъ этимъ несчастіемъ, что въ первую минуту не рѣшился ничего сдѣлать, чтобы остановить его; мнѣ просто страшно казалось увидѣть раздавленнаго, по винѣ моего кучера, человѣка, тѣмъ болѣе, что въ это время по Каменноостровскому проспекту была усиленная ѣзда. Когда все же у меня явилась мысль, что слѣдовало бы остановиться и поднять пострадавшаго, то мы уже такъ далеко отѣхали, что я не рѣшился этого сдѣлать. Я пріѣхалъ домой въ ужасномъ нервномъ настроеніи, я былъ просто въ лихорадкѣ, такъ что пришлось даже лечь въ постель. Мысль о случившемся мучила меня и всѣ слѣдующіе дни,—наконецъ я принялся отыскивать въ газетахъ, въ рубрикѣ происшествія дня, свѣдѣніе о случившемся со мною происшествіи. Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, я нашелъ въ полицейской газетѣ сообщеніе о томъ, что на Каменноостровскомъ проспектѣ поднять въ нетрезвомъ видѣ крестьянинъ съ переломленной ногой, попавшій подъ неизвѣстный эки-

пажъ. Это меня нѣсколько успокоило въ томъ смыслѣ, что пострадавшій не задавленъ и отдѣлался относительно легкимъ поврежденіемъ—переломомъ ноги, а затѣмъ это давало мнѣ возможность оказать ему нѣкоторое пособіе. Я отправился къ Трепову, сообщилъ ему о происшедшемъ и просилъ его приказать передать пострадавшему 50 руб. Сознаюсь, что я не рѣшился лично пойти къ нему въ больницу, опасаясь, что онъ привлечетъ меня къ суду. На этомъ я временно успокоился. Нѣсколько времени спустя, зимою, я встрѣтился съ Треповымъ въ театрѣ, и Треповъ, припомнивъ мое дѣло, сказала мнѣ, что попавшій подъ мой экипажъ крестьянинъ настойчиво добивался узнать мою фамилію, вѣроятно, чтобы начать противъ меня искъ, но что его требованіе не было исполнено. Я не могъ такимъ образомъ не сознавать, что моимъ укрывательствомъ я лишилъ человѣка, пострадавшаго черезъ меня и имѣвшаго законное право искать съ меня удовлетвореніе, — возможности осуществить это право.

Повторяю, что эта мысль меня постоянно мучила, она возникла съ особенною интенсивностью въ указанное время. Я помышлялъ о томъ, какъ бы исправить послѣдствія моего поступка, но не зная, что для этого предпринять, у меня мелькала неопредѣленная надежда, что можетъ быть само Провидѣніе покажетъ мнѣ къ тому путь,—и что же, нѣсколько времени спустя, совершенно для меня неожиданно, этотъ путь дѣйствительно открылся предо мною.

Вотъ что случилось. Около этого времени подъ предсѣдательствомъ Валуева была образована комиссія по рабочему вопросу, и я былъ назначенъ ея членомъ. Въ этой комиссіи я встрѣтилъ Христіановича и сошелся съ этимъ милымъ в благороднымъ человѣкомъ весьма близко. Разъ Христіановичъ сидѣлъ у меня вечеромъ, по случаю совмѣстной работы надъ однимъ изъ комиссіонныхъ вопросовъ—и вотъ мнѣ пришла мысль рассказать Христіановичу, который былъ въ то время правителемъ канцеляріи и фактотумомъ у Трепова, о случившемся со мною около пяти лѣтъ тому назадъ происшествіи и просить его—не можетъ ли онъ черезъ полицію добыть мнѣ свѣдѣніе о дальнѣйшей судьбѣ означеннаго крестьянина. Христіановичъ обѣщаль мнѣ навести справки и дѣйствительно нѣсколько мѣсяцевъ спустя прислалъ мнѣ записку, заключающую свѣдѣніе о томъ, что означенное лицо крестьянинъ деревни Щербинино, Новгородской губерніи Петръ Аванасьевъ; живетъ онъ въ деревнѣ и неспособенъ къ работѣ по случаю перелома ноги. Какъ ни страшно было думать, что послѣ столькихъ лѣтъ это дѣло опять можетъ возникнуть передъ судомъ, и что мнѣ въ этомъ случаѣ придется отвѣчать не только за оплошность

кучера, но и за собственную вину, — что я покинул пострадавшего по дорогѣ и не оказалъ ему помощи, но, рѣшившись не останавливаться ни передъ какими послѣдствіями, я написалъ Аванасьеву, что по случаю случившагося съ нимъ происшествія, когда, бывши въ нетрезвомъ видѣ, онъ попался подъ мой экипажъ, я навелъ о немъ справки и узналъ, что онъ къ работѣ не способенъ, посылаю ему на первый разъ пособіе въ 80 р. и обещаю столько же высылать ему ежегодно, вмѣстѣ съ тѣмъ я сообщилъ ему свой адресъ. Легко представить себѣ, съ какимъ безпокойствомъ я ожидалъ отвѣта. Отвѣтъ наконецъ пришелъ, и Аванасьевъ не только не думалъ привлечь меня къ суду, но благодарилъ меня въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ я высылалъ ему ежегодно обѣщанное пособіе и каждый разъ получалъ отъ него отвѣтныя письма, въ которыхъ онъ благодарилъ меня и писалъ мнѣ, что молить за меня Бога. Въ 1902 году онъ скончался, и я продолжаю высылать нѣкоторое пособіе его вдовѣ.

Такое сочетаніе обстоятельствъ не могло меня не поразить. Именно въ такое время, когда меня особенно удручало вышеуказанное воспоминаніе, и когда во мнѣ шевелилась надежда на помощь Провидѣнія, состоялась комиссія Валуева, я былъ въ нее назначенъ, я тамъ сошелся съ Христіановичемъ, и, наконецъ, благодаря ему, лѣтъ пять послѣ происшествія, удалось разыскать пострадавшаго, — что дало мнѣ возможность изгладить мою вину и стать съ нимъ въ наилучшія отношенія.

Такое удивительное совпаденіе фактовъ укрѣпило во мнѣ надежду на Бога, но все же я былъ еще далекъ отъ истинно вѣрующаго христіанскаго настроенія. Не находя желаемаго утѣшенія въ философіи, я сталъ искать его въ религіи, но и тутъ долго не находилъ того, что я искалъ. Наша православная церковная жизнь отталкивала меня своимъ формализмомъ. Не понимая глубины значенія христіанскаго православія, я не находилъ ни утѣшенія, ни духовной опоры въ нашей церковной службѣ; я сталъ чаще посѣщать протестантскія церкви, гдѣ проповѣдь иногда затрагивала мою душу. У меня родилось даже сомнѣніе — не слѣдуетъ ли мнѣ, такъ какъ вѣра требуетъ искренности, перейти въ лютеранство, если протестантская церковность болѣе отвѣчаетъ моей душевной потребности, чѣмъ православіе, — какія бы непріятныя послѣдствія отъ этого для меня ни произошли. Но и лютеранская проповѣдь, хотя она иногда и затрагивала мою душу, не могла вывести меня окончательно на путь вѣры и устранить моихъ скептическихъ сомнѣній.

Изъ этого непріятнаго колеблющагося настроенія въ поискахъ за

твердымъ духовнымъ основаніемъ меня вывели два обстоятельства. Во-первыхъ, ознакомленіе съ религіозными сочиненіями А. С. Хомякова, которыя мнѣ попались въ руки и которыя я сталъ читать съ жадностію и глубокимъ увлеченіемъ и, во-вторыхъ, знакомство съ лордомъ Рэдстокомъ.

Не помню, по какому случаю или по чьей рекомендаціи, я взялся за чтеніе религіозныхъ статей Хомякова (2-ая часть его сочиненій), но принявшись за это чтеніе, я уже не могъ оторваться отъ него; оно какъ бы озарило меня новымъ свѣтомъ, раскрывъ передо мною всю истину, всю глубину, всю прелесть вселенскаго православія. До сихъ поръ я прикасался къ православію только съ формальной его стороны, я видѣлъ только русское національное православіе, не понимая ни значенія, ни внутренней глубины вселенскаго православія, т. е. того идеала, къ которому слѣдуетъ стремиться и который заключаетъ въ себѣ всю суть христіанской мысли. Въ гимназій я изучалъ краткій катехизисъ, въ университетѣ проходилъ пространнѣй катехизисъ, но это сухое схоластическое ученіе однихъ формулъ и цитатъ священнаго писанія — никакого религіознаго чувства въ душѣ возбудить не могло. Даже изреченія священнаго писанія, дѣйствующія такъ возвышенно, если ихъ читать въ евангеліи въ связи съ остальнымъ текстомъ, вырванныя изъ контекста, ничего не говорятъ ни уму, ни сердцу, а ученіе ихъ на память по-славянски представляло только скучную обузу. Если бы въ учебныхъ заведеніяхъ пользовались катехизисомъ только какъ программой для изъясненія христіанской религіи, то это было бы совершенно разумно, но вмѣстѣ съ тѣмъ даже преимущественно слѣдовало бы знакомить молодыхъ людей съ чтеніемъ евангелія, между тѣмъ какъ это никогда не дѣлалось, довольствовались долбленіемъ на память евангелическихъ текстовъ, занесенныхъ въ катехизисъ; самаго же евангелія я ни въ школѣ, ни въ университетѣ не бралъ въ руки, и потому былъ совершенно съ нимъ не знакомъ. Такой способъ преподаванія не привлекаетъ, а отталкиваетъ молодого человека отъ религіозныхъ мыслей, между тѣмъ какъ интересное объясненіе сущности христіанства не оставалось бы безъ полезнаго вліянія. Помню, что когда однажды въ гимназій священникъ (кажется Раевскій) сталъ объяснять намъ въ свободномъ словѣ значеніе литургіи—это произвело на меня глубокое впечатлѣніе.

И вотъ, вдругъ я нахожу у Хомякова такія сокровища мысли, такое оригинальное разъясненіе значенія и сущности православія, о которомъ я и понятія не имѣлъ. Благодаря Хомякову я пришелъ къ убѣжденію, что въ этомъ истина; о переходѣ въ лютеранство уже не могло быть и рѣчи. Какъ славянофилъ, Хомяковъ тоже от-

части налегаетъ на значеніе національности въ религіи (такъ напр. онъ говоритъ — я пощусь въ извѣстное время, зная, что со мною постится вся Россія въ это время,—значить, онъ постится не столько вслѣдствіе религіозной потребности, сколько потому, что въ этомъ въ данное время проявляется, такъ сказать, народный обычай), но это нисколько не замѣняетъ въ немъ пониманія вселенскаго православія; напротивъ того, онъ постоянно указываетъ на то, что безошибочна только вселенская церковь,—каждая національная церковь можетъ впадать въ разныя уклоненія и ошибки,—лозунгомъ православія могутъ служить только вселенскіе соборы.

Изложеніе Хомякова раскрыло для моего ума значеніе православія; теплоту же христіанскаго чувства для сердца я почерпнулъ затѣмъ изъ сношеній съ лордомъ Рэдстокомъ.

Меня познакомилъ съ нимъ графъ М. М. Корфъ, сынъ нашего извѣстнаго государственнаго дѣятеля Модеста Андреевича Корфа. Рэдстокъ прибылъ въ Петербургъ, какъ англійскій проповѣдникъ, и началъ проповѣдывать въ реформатской церкви. Первые его публичные проповѣди не произвели на меня большого вліянія. Но затѣмъ я лично съ нимъ познакомился и сталъ посѣщать его частныя собранія, которыя происходили въ домѣ В. И. Пашкова, и на которыя стекались не только протестанты, но и православные въ большомъ числѣ. Рэдстокъ считалъ своей задачей возбужденіе христіанскаго чувства вообще. Какія бы ни были различія вѣроисповѣданія, но всѣмъ христіанамъ должно быть присуще чувство преданности Христу, которое и должно руководить ихъ жизнью. Поэтому Рэдстокъ считалъ необходимымъ прежде всего, чтобы каждый христіанинъ сознательно предалъ себя Христу. Въ крещеніи мы посвящаемся Христу, впоследствии за каждой литургіей мы повторяемъ слова „сами себя и другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ“. Но при крещеніи за насъ дается обѣтъ родителями и воспріемниками, а на церковной службѣ мы повторяемъ вышеприведенныя слова, обыкновенно не отдавая себѣ полнаго отчета въ ихъ глубокомъ значеніи; произнесеніе этихъ словъ не становится у насъ выраженіемъ акта индивидуальной воли. Въ первые времена, когда язычники или евреи принимали христіанство, они сознательно предавали, посвящали себя Христу, для нихъ начиналась новая жизнь, въ нихъ происходилъ душевный переломъ, они становились новымъ человѣкомъ. Вотъ это сознаніе и рѣшимость сознательно предать себя Христу, стать дѣйствительно новымъ человѣкомъ, Рэдстокъ считалъ необходимымъ освѣжить въ современныхъ христіанахъ, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали.

Настаиваніе на сознательномъ преданіи себя Христу, на совер-

*

шеніи этого акта воли, первоначально было возбуждено и получило особенное развитіе въ такъ называемыхъ ревивалистическихъ сектахъ въ Англіи (отъ слова revival—возрожденіе)—правда, оно получило тамъ нѣсколько схематическое, даже механическое примѣненіе, вслѣдствіе чего эти секты получили даже названіе методистовъ (вслѣдствіе проповѣдуемаго ими метода спасенія). Но это, можно сказать, искаженіе основной идеи нисколько не устраняетъ справедливости требованія преданія себя Христу, примѣнимаго ко всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и которое признается и въ православіи, какъ на это указываютъ вышеприведенныя слова нашей литургіи. Въ этомъ отношеніи ревивалисты правы, требуя, чтобы это было не только выраженіемъ обычной молитвы, но было соединено съ сознательнымъ актомъ воли. Актъ преданія себя Христу есть какъ-бы совершеніе присяги на вѣрность. Подобно тому какъ солдатъ, вступая въ ряды арміи, отдаетъ присягу на вѣрность Государю, и затѣмъ этою присягою побуждается къ исполненію своихъ обязанностей передъ врагомъ, чтобы не нарушить присяги, точно также и христіанинъ первымъ побужденіемъ своей нравственной дѣятельности долженъ считать любовь къ Христу и память того, что онъ сознательно предалъ себя Спасителю.

Убѣдившись въ справедливости такого воззрѣнія, и я рѣшился сознательно предать себя Христу, и день этого рѣшенія (11 января 1876 г.) записалъ у себя на память. Это рѣшеніе не осталось безъ вліянія на мою послѣдующую жизнь, я считалъ себя съ тѣхъ поръ дѣйствительно связаннымъ съ Христомъ; нерѣдко, въ память обѣта, даннаго Христу, я находилъ большую силу противленія разнымъ искушеніямъ, возникающимъ въ жизни, чѣмъ въ общихъ нравственныхъ соображеніяхъ и мотивахъ.

Рэдстокъ вообще старался осмыслить всѣ христіанскія понятія, сопоставляя ихъ съ отношеніемъ къ нимъ христіанъ въ первые вѣка христіанства. Я помню, какъ разъ на вечерней бесѣдѣ у Пашкова, Рэдстокъ восторженно поднималъ руки и воскликнулъ: „вѣдь мы всѣ святые“—*nous sommes tous des saints*. Меня это тогда поразило и показалось кощунствомъ; только впоследствии я понялъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать. Рэдстокъ имѣлъ въ виду, что всѣ освященные во Христѣ должны бы быть святыми, въ томъ смыслѣ, въ какомъ и апостоль Павелъ называлъ всѣхъ христіанъ святыми. Въ посланіи къ коринѳянамъ онъ пишетъ (1, 2): „церкви Божіей, находящейся въ Коринѣ, освященнымъ во Христѣ, призваннымъ святымъ“. Такимъ образомъ Рэдстокъ говорилъ это не въ видѣ самовосхваленія, а въ томъ смыслѣ, что такъ какъ христіане въ сущности должны быть святыми, то возлагаетъ на нихъ глубокую отвѣтственность,

требуя сообразованія нашей жизни съ такимъ идеальнымъ предназначеніемъ. Говорится „noblesse oblige“, тѣмъ паче слѣдуетъ утверждать, что христіанская святость—oblige.

Рэдстокъ и Пашковъ старались побудить всѣхъ, приходищихъ на ихъ молитвенныя собранія, содѣйствовать по мѣрѣ силъ распространенію этого коренного христіанскаго понятія въ средѣ общества и народа. Ища соприкосновенія съ послѣднимъ, Пашкову пришло на мысль воспользоваться извозчиками, какъ проводниками въ народъ глубокаго христіанскаго убѣжденія, такъ какъ съ ними болѣе всего приходимъ въ соприкосновеніе. Вдучи на извозчикахъ, Пашковъ заговаривалъ съ ними о божественныхъ вопросахъ, говорилъ имъ о Христѣ, о преданности Ему, и если онъ встрѣчалъ у извозчика интересъ къ возбуждаемымъ религіознымъ вопросамъ, то предлагалъ ему придти къ нему читать евангеліе. Такимъ образомъ оказалось не мало извозничьихъ семей, заявившихъ желаніе слушать слово Божіе. Къ нѣкоторымъ Пашковъ самъ ѣздилъ, другихъ онъ распредѣлялъ между посѣтителями его молитвенныхъ собраній. Такимъ образомъ и мы предложили посѣщать одно извозничье семейство для чтенія ему евангелія, и я на это согласился. Въ началѣ мы казалась какъ-то страннымъ явиться къ совершенно чужимъ людямъ въ качествѣ какъ-бы христіанскаго проповѣдника и потребовалось нѣкоторое насиліе надъ собою, чтобы рѣшиться на такой шагъ. Но мое смущеніе было совершенно излишне, все произошло очень просто и естественно. Я нашелъ нѣсколько людей, собравшихся въ квартирѣ извозчика - хозяина, и когда я имъ заявилъ, что я пришелъ отъ Пашкова, чтобы почитать имъ слово Божіе, то они приняли меня радушно и совершенно безъ всякаго стѣсненія. Мои посѣщенія этого семейства продолжались около двухъ лѣтъ. Мы начинали и кончали бесѣду свободной молитвой, я имъ читалъ евангеліе и объяснялъ прочитанное; при этомъ я старался оставаться на православной почвѣ, чтобы не отклонять моихъ слушателей отъ церкви, а возбуждать въ нихъ только истинное христіанское чувство. Въ теченіе этого времени я очень сблизился съ членами этого семейства. Въ началѣ войны 1876 г., въ одно воскресенье, хозяинъ-извозчикъ сообщилъ мнѣ, что его сынъ призывается на войну,—вслѣдствіе того мы вмѣстѣ со всѣмъ его семействомъ помолились, чтобы Богъ сохранилъ его въ опасности. Какая же была мнѣ радостная встрѣча, года полтора спустя, когда я разъ зашелъ къ нимъ, и они мнѣ сообщили, что ихъ сынъ только что благополучно возвратился съ войны. Много лѣтъ спустя, когда, проходя по улицѣ, я встрѣчался съ моими извозчиками, они мнѣ кланялись съ особеннымъ радужіемъ, какъ близкому родственнику. Къ сожалѣнію, не всѣ изъ на-

шого кружка и не всегда заботились о томъ, чтобы, возбуждая въ народѣ христіанское чувство, не отклонять его отъ церкви и потому впоследствии и образовался Пашковскій толкъ, въ видѣ особой секты.

Мое извозничье семейство жило по дорогѣ въ Волково. Вотъ почему обыкновенно, каждое воскресенье утромъ, послѣ обѣдни и отправлялся на Волковское кладбище поклониться могилѣ жены, и затѣмъ по пути заѣзжалъ къ моимъ слушателямъ-извозчикамъ, для чтенія имъ евангелія.

Кромѣ того Пашковъ и нѣкоторыя другія лица нашего кружка ходили читать евангеліе въ тюрьмахъ и мѣстахъ предварительнаго заключенія. На первое время, правительство не только не препятствовало, но даже поощряло эти молитвенныя посѣщенія тюремъ и мѣстъ заключенія. Треповъ выдавалъ желающимъ для этой цѣли особые билеты, давашіе имъ право входа въ мѣста заключенія. Желая послушать, какъ Пашковъ читаетъ арестантамъ евангеліе и посмотрѣть, какое это производитъ впечатлѣніе, я разъ вмѣстѣ съ Пашковымъ поѣхалъ въ тюрьму предварительнаго заключенія въ Офицерской,—и былъ глубоко пораженъ тѣмъ, что видѣлъ. Во-первыхъ, только что мы вошли въ контору, я былъ удивленъ тѣмъ почтительнымъ и любовнымъ довѣріемъ, съ которымъ всѣ арестанты встрѣчали Пашкова. Поздоровавшись и поговоривъ съ ними, онъ приступилъ къ чтенію евангелія. До сихъ поръ помню, что онъ читалъ имъ повѣствованіе о Закхее и, по прочтеніи повѣствованія, сталъ разъяснять слушателямъ, какъ Христосъ милостиво принялъ грѣшника, который только издали желалъ посмотрѣть на Него и какое преобразование произошло въ душѣ самого грѣшника послѣ милостивыхъ словъ Спасителя. Нужно было видѣть, съ какимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ всѣ его слушали и какое глубокое впечатлѣніе производили его слова на этихъ несчастныхъ. Передъ уходомъ Пашковъ выслушивалъ просьбы и ходатайства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, обѣщая имъ сдѣлать возможное.

Чувство христіанской любви къ ближнимъ проявлялось и въ разныхъ другихъ формахъ, среди участниковъ пашковскихъ собраній. Дамы изъ высшаго аристократическаго круга посвящали себя хожденію за больными, особенно по случаю возникшей около этого времени войны съ Турціей; онѣ работали въ военныхъ госпиталяхъ вмѣстѣ съ сестрами Краснаго Креста, проявляя замѣчательные подвиги самопожертвованія.

Такимъ образомъ Рэдстокъ-Пашковское движеніе, пока оно оставалось на почвѣ обще-христіанскаго настроенія, приносило несомнѣн-

ную пользу, и нельзя не сожалѣть, что оно мало-по-малу стало сходить съ этой почвы.

Проповѣдуя у Пашкова, Рэдстокъ, не касаясь даже прямо догматической формулировки, не могъ не высказывать воззрѣній, господствовавшихъ у методистовъ; такимъ образомъ его рѣчи невольно получали реформатско-методистскій характеръ. Затѣмъ, по мѣрѣ того какъ число слушателей у Пашкова увеличивалось, нѣкоторые главные дѣятели его собраній стали входить въ сношенія съ разными нашими сектами — особенно тѣхъ толковъ, которые ближе подходили къ протестантизму, напр., съ молоканами и духоборцами. Я самъ присутствовалъ разъ у графа Корфа на такомъ частномъ совѣщаніи.

Наконецъ В. И. Пашковъ, который все болѣе и болѣе склонялся въ методистское направленіе Рэдстока, однажды сообщилъ мнѣ, что онъ рѣшился оставить православную церковь вслѣдствіе противодѣйствія, которое онъ встрѣчалъ со стороны нашего духовенства, въ своихъ стремленіяхъ служить христіанскому дѣлу. Послѣ этого сообщенія я считалъ долгомъ заявить Пашкову, что я крайне сожалѣю, что онъ рѣшился на такой шагъ, а что затѣмъ я уже не буду посѣщать его собраній, такъ какъ они, очевидно, при такихъ условіяхъ, должны были уклониться отъ первоначальнаго направленія и получить сектантскій характеръ, который я не желалъ санкціонировать своимъ присутствіемъ.

Вслѣдствіе всего вышеназложеннаго, наше духовенство стало все рѣшительнѣе высказываться противъ пашковскихъ собраній и кончилось тѣмъ, что они были запрещены.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и Пашкову и Корфу было предложено или вообще прекратить свои чтенія, или удалиться изъ Россіи; оба выбрали послѣднее и добровольно навсегда эмигрировались. По этому случаю Корфъ, какъ онъ мнѣ потомъ рассказывалъ, имѣлъ обстоятельное объясненіе съ Побѣдоносцевымъ, происходившее въ очень дружелюбномъ тонѣ. Побѣдоносцевъ объяснилъ ему, почему правительство не можетъ долѣе терпѣть ихъ религіозныхъ чтеній народу. Корфъ же съ своей стороны излагалъ ему, что по своему убѣжденію онъ не можетъ отказаться отъ нравственной обязанности содѣйствовать по мѣрѣ силъ укрѣпленію и распространенію истинно христіанскаго настроенія и что потому, не имѣя возможности исполнять это въ Россіи, онъ рѣшается покидать свое отечество ¹⁾.

¹⁾ Графъ Корфъ мнѣ рассказывалъ однажды, что онъ сдѣлался вѣрующимъ человѣкомъ послѣ набѣжанія смертельной опасности и при видѣ погябели кондуктора, — вѣроятно это происходило на желѣзной дорогѣ.—

Весь этотъ разговоръ происходилъ на почвѣ уваженія взаимныхъ убѣжденій и дружескихъ отношеній, — при уходѣ, Корфъ и Константинъ Петровичъ облобызались даже христіанскимъ поцѣлуемъ.

Сношенія съ Пашковымъ, Рэдстокомъ и ихъ кружкомъ подѣйствовали на меня въ смыслѣ развитія во мнѣ вѣрующаго настроенія. Искренняя вѣра однихъ дѣйствуетъ какъ бы заразительно на другихъ. Обращаясь долгое время въ средѣ лицъ, искренно преданныхъ Христу, глубоко и тепло вѣрующихъ, какія бы ни были ихъ догматическія уклоненія, я убѣждался въ возможности вѣровать, если только рѣшительно этого желаешь, и въ возможности актомъ воли устранять отъ себя обычные сомнѣнія.

Говоря, что я дѣлался вѣрующимъ христіаниномъ, я не хочу сказать, чтобы у меня по временамъ не возникали сомнѣнія и скептическія недоумѣнія. Хомяковъ справедливо замѣчаетъ, что „вѣра отдѣльнаго человѣка—будь она послѣдствіемъ свободнаго убѣжденія человѣка,—никогда не можетъ исключать возможности сомнѣнія и даже заблужденія—ибо полная истина возможна только безгрѣшному“, а потому, прибавляю, и полная, никогда не колеблющаяся вѣра.

Одно меня вполне охватило, это преданность Христу, Его идеальной личности; вслѣдствіе сего у меня укоренилось желаніе сформировать жизнь и дѣятельность съ тѣмъ, что требуетъ Христосъ отъ своихъ послѣдователей. Я старался выдрить въ себя убѣжденіе, что всякое несогласное съ этимъ требованіемъ дѣйствіе является нарушеніемъ того обѣта, который я далъ Христу, рѣшившись сознательно Ему предаться. Мое вѣрующее настроеніе было преимущественно дѣломъ сердца и воли.

Но и умъ мой работалъ надъ этими жизненными для меня вопросами, не останавливаясь на детальныя сомнѣнія и стараясь обосновать въ себѣ главныя начала христіанства.

Допуская, что воспроизведеніе сверхъ естественныхъ фактовъ и яв-

Означенное происшествіе произвело на него столь потрясающее впечатлѣніе, что, какъ уже сказано, онъ съ того момента сдѣлался вѣрующимъ человѣкомъ, и затѣмъ, подъ вліяніемъ лорда Рэдстока, посвятилъ себя дѣлу распространенія христіанскаго чувства въ обществѣ. Замѣчательно, что этотъ молодой человѣкъ, графъ, церемоніймейстеръ, которому предстояла блестящая будущность, отъ всего этого отказался и предался вполне дѣлу распространенія христіанскаго чувства до того, что рѣшился даже навсегда покинуть свое отечество, въ которомъ его религіозная дѣятельность стала наталкиваться на непреодолимыя преграды.

леній въ изложеніи Св. Писанія происходитъ въ антропоморфической формѣ, потому что человѣку невозможно даже мыслить о трансцендентальныхъ вопросахъ иначе, какъ облакая ихъ въ антропоморфическое представленіе, я стремился выяснитъ себѣ, что въ корнѣ всякаго сверхъ естественнаго факта, повѣствуемаго писаніемъ, должно лежать что-то недоступное нашему пониманію, которое потому и облакается въ человѣческое представленіе. Въ такомъ убѣжденіи меня укрѣпляло между прочимъ и то, что даже у нѣкоторыхъ крайнихъ рационалистовъ проявляются подобные намеки. Такъ, напр. Бауръ и Штраусъ, отвергавшіе въ своихъ теологическихъ трудахъ все сверхъ естественное и возражавшіе потому противъ факта воскресенія Христова, сознаются, что они принуждены допустить, что послѣ смерти Христовой произошло нѣчто таинственное и для насъ непостижимое, потому что иначе невозможно объяснить то коренное измѣненіе, которое совершилось послѣ смерти Христа съ апостолами и учениками Его; изъ уstraшенныхъ, угнетенныхъ и безнадежныхъ личностей, какими они были въ моментъ смерти Христовой, они вдругъ преобразовались въ глубоко-вѣрующихъ, безстрашныхъ и премудрыхъ проповѣдниковъ Христова ученія. Въ поискахъ за соображеніями, которыя могли бы укрѣпить мою вѣру, я останавливался на убѣжденіи, къ которому я пришелъ, что вѣ христіанства человѣкъ ницѣ не можетъ найти разумнаго и убѣдительнаго отвѣта на запросы его души о значеніи и цѣли жизни. Если Христосъ не сверхъ естественное существо, а только просто святой человѣкъ, то мы лишены всякой твердой надежды на будущее, тогда намъ ничего не дано и мы находимся въ положеніи дохристіанскихъ язычниковъ, у которыхъ тоже были мудрецы и высоконравственныя личности, но которые все-же не имѣли никакого твердаго оплота жизни. Если Христосъ не воскресъ, тогда все подъ сомнѣніемъ, тогда жизнь теряетъ всякую цѣну—жить только для настоящей жизни—безцѣльно. На меня въ этомъ отношеніи особенно убѣдительно дѣйствовали слова апостола Павла: „Если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша. И если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастіе всѣхъ человѣковъ. По разсужденію человѣческому, когда я боролся со звѣрями въ Ефесѣ, какая мнѣ польза, если мертвые не воскресаютъ. Станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ“ (1 К. 15, 14, 19, 32).

Оправданіе такого отношенія къ вѣрѣ я находилъ между прочимъ и въ сочувственныхъ мнѣ словахъ апостола Петра. Послѣ проповѣди Спасителя—что Онъ хлѣбъ живой, спедшій съ небесъ—многіе изъ Его учениковъ отошли отъ Него; тогда Иисусъ обратился къ двѣнадцати съ вопросомъ: не хотите ли вы отойти,—но на это

апостолъ Петръ отвѣтилъ ему: „Господи, къ кому намъ идти. Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни“ (1. 6, 68). И такъ онъ не отрицалъ, что и ему слова Господа непонятны, и что и онъ не могъ потому вѣрить въ нихъ, но онъ настолько убѣдился въ святости и божественной мудрости Спасителя, что и это сомнѣніе не могло отклонить его, подобно тому, какъ оно отклонило другихъ учениковъ. Я старался крѣпко держаться за христіанство, потому что вмѣстѣ съ ап. Петромъ я могъ повторить: „къ кому мнѣ идти“, если я не послѣдую за Тѣмъ, Который имѣетъ глаголы вѣчной жизни.

Какъ видно изъ всего вышележащаго, мое вѣрующее состояніе могло опредѣляться, въ значительной мѣрѣ, словами отца больного отрока, о которомъ повѣствуетъ Св. Писаніе: „вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію“.

